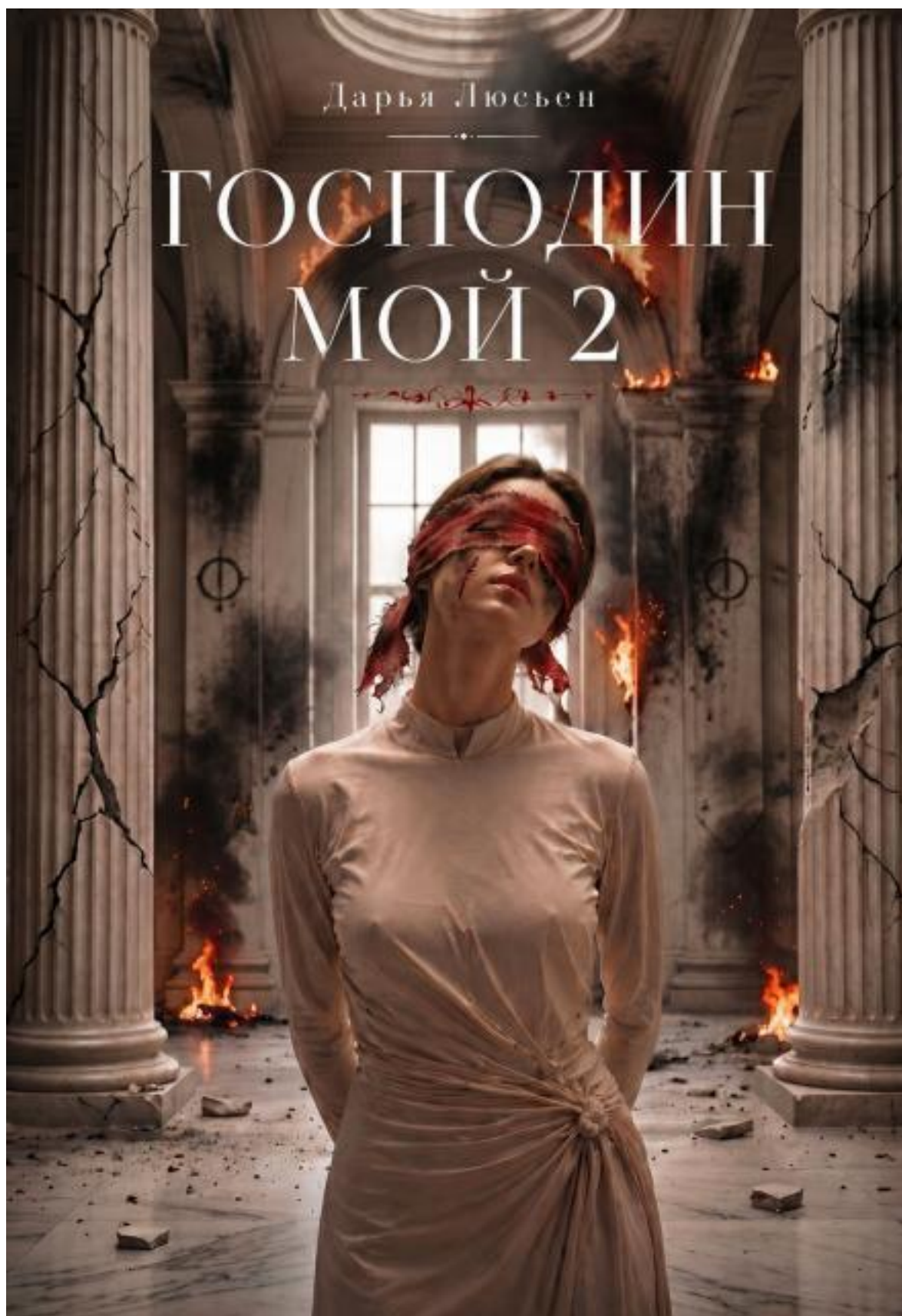


Дарья Люсьен

ГОСПОДИН МОЙ 2



Дарья Люсьен
Господин мой 2

«Литнет»

2026

Люсьен Д.

Господин мой 2 / Д. Люсьен — «Литнет», 2026

Вторая книга из цикла «Господин мой» Кристина проснулась в чужом мире, в чужом теле, рядом с чужим мужчиной, которого ей приказано называть «господин мой». За два года она освоила правила этого мира: молчать, опускать глаза, не задавать вопросов. Эти правила научили её выживать. Теперь её книги расходятся по стране под чужими именами. Её мелодии поют на запретных вечерах. Её слышат другие женщины - те, у кого, как у неё, внутри живёт то, что в Аррене подавляют с детства. И где-то наверху системы, в столице, кто-то начинает замечать, что в маленьком провинциальном Харне у одного Оценщика жена ведёт себя не как охраняемое лицо. А Каэн Дорр - Оценщик, которого она два года называла «господин мой», - наконец перестаёт смотреть на неё как на собственность. Во второй книге Кристина перестанет прятаться. Перед ней - Конкордат с его пыточными камерами и Домами коррекции, и она знает, что у неё в запасе мало месяцев. Перед ней - Каэн, который однажды ночью сделает выбор, который не сможет отменить. Перед ней - другие женщины, которые впервые за триста лет узнают, что они не одни. И где-то в столице, в тихом сером кабинете, пожилая женщина в строгом платье прочтёт книгу под именем Миры Дорр - и узнает в ней что-то очень знакомое. Потому что триста лет назад она тоже появилась здесь из другого мира.

© Люсьен Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Концерт	5
Глава 2. Утро после	12
Глава 3. Специалист	17
Глава 4. Запасники	22
Глава 5. Что это было	28
Глава 6. Дом музыканта	34
Глава 7. Гость	40
Глава 8. Тишина внутри	46
Глава 9. Голос в комнате	52
Глава 10. Тёплый след	59
Глава 11. Две женщины в один день	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1. Концерт

За полчаса до выхода Лейн в четвёртый раз проверял струны на басовой ноте. Если бы струны умели жаловаться, они бы давно написали в профсоюз — на моральное давление и нездоровую обстановку.

— Лейн, — сказала Крис.

— Что?

— Они настроены.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Затем, — сказал он и провёл по струнам снова.

Я бы тоже хотела что-нибудь подёргать, думала Крис. Желательно нервную систему того, кто решил, что петь перед сотней незнакомых людей — это хорошая идея. В чужом теле, на чужом языке, с Тенью, которая в любой удобный момент может пойти знакомиться с публикой лично. И с репертуаром, в котором три из шести песен в моём прежнем мире пели либо пьяные англичане на стадионах, либо женщины, выгоняющие из дома неверных мужей. Здесь, разумеется, никто этого не подозревал. Здесь это звучало как философия и духовные искания. В Аррене вообще много чего звучало как духовные искания — например, объявление о продаже дров.

Комната за сценой была маленькой и пахла пылью и яблоками, причём непонятно откуда яблоки, может, у кого-то лежали в сумке. Второй музыкант, с тем странным виолончельным инструментом, сидел на ящике и читал книгу. Третий чистил барабан тряпочкой. Все трое были спокойны, и от этого спокойствия Крис было только хуже.

Она встала и подошла к щели в занавесе.

Зал заполнялся. Места были недорогие, и публика собиралась пёстрая: мужчины в простых пиджаках, несколько пар постарше, в первых рядах — компания студентов, судя по виду, из музыкальной школы. Дальше сидели отдельные женщины, по одной или по две, с покрытыми плечами, как полагается на публичных вечерах в Аррене. Мужья остались дома. Или придут позже. Или не существовали в природе — тут уж как получится.

Сотня человек — много, если считать каждого по отдельности, и до смешного мало, если вспомнить, как мало это в итоге значит.

Крис закрыла глаза и попробовала слушать.

«Отклик» был ровным — фоновый шум сотни Теней, без острых пиков. Усталость, ожидание, чьё-то сдержанное раздражение в дальнем ряду, что-то похожее на тоску у женщины ближе к проходу. Обычный человеческий вечер. Её саму никто пока не слышал, потому что она ещё ничего не делала, и это давало время.

— Мира.

Она открыла глаза. Лейн стоял рядом, без инструмента, с тем выражением, какое у него бывало, когда он переставал думать про струны и начинал думать про людей.

— Если что — просто выходишь и поёшь, — сказал он. — Не думай про зал, про меня, про текст, если он сам идёт. Если собьёшься, я подхвачу.

— А что может сбиться?

Лейн посмотрел на неё долгим взглядом.

— В том и дело, что не знаю. Потому и предупреждаю заранее.

Логично. Спорить было не с чем.

В коридоре что-то скрипнуло, и в комнату заглянул человек, который занимался вечером, — сухой, нервный, с папкой под мышкой, как будто папка могла защитить его от любой неприятности.

— Через пять минут, — сказал он и исчез.

Крис посмотрела на свои руки. Руки Миры. За эти месяцы она привыкла к ним настолько, что иногда забывала, что они не её. Сейчас вспомнила. Пальцы были холодные.

Хорошо хоть не дрожат, подумала Крис. Маленькие радости.

Свет в зале приглушили. Голоса опадали неровно, как опадают волны, когда выключают ветер. Лейн вышел первым, без объявления, с инструментом — на стуле у края сцены. Двое других сели чуть в глубине. Это была их договорённость: никаких представлений, никаких «а сейчас перед вами», никаких имён. Музыка должна была начаться сама.

Лейн взял первую ноту.

Низкая, длинная, без украшений. В зале затихли по слоям: сначала ближние ряды, потом дальние, потом тот человек где-то у стены, который ронял что-то металлическое и поднимал.

Вторая нота. Третья. Виолончельный инструмент вступил снизу, как тёплая вода под ноги.

Крис вышла.

Не глядя в зал. Нара говорила, что зал нужно почувствовать, а не разглядывать, и сейчас Крис понимала почему. Если разглядывать, то сразу видишь сто пар глаз, и сто пар глаз — это слишком много для одного человека. А если чувствовать, то это просто тёплое присутствие, как в комнате, где есть камин.

Она подошла к своему месту, повернулась лицом к залу... взгляд — не выше второго ряда.

И запела.

Первая песня была спокойной и тягучей — Лейн настоял, чтобы открывали именно ею. «Не пугай людей сразу, — говорил он. — Дай им устроиться». В её прежнем мире эту вещь сочинили четверо англичан с такими лицами, что им бы только в кабаке драку начинать, и пели они её обыкновенно орущим хором, в основном пьяные. В Аррене с её плотной аранжировкой и текстом про то, что «возможно, ты тот, кто меня спасёт», песня превращалась в проникновенное духовное обращение. Местный слушатель воспринимал её как медитацию о вере в другого человека. Крис, переписывая текст под местные нормы, чуть не плакала — не от красоты, а от того, какие лица были бы у тех англичан, если бы им показали, что из их пьяной баллады можно сделать в нужном контексте.

Мелодия плыла ровно, и текст лежал на ней так, будто всегда там и был. Крис слышала собственный голос со стороны, как иногда слышишь его в записи, и удивлялась, что он звучит уверенно. Это был, наверное, голос Миры, а не её. У Миры голос был спокойнее. Спасибо тебе, Мира, подумала Крис куда-то внутрь. Сегодня ты особенно полезна.

Зал слушал.

Она это чувствовала через «отклик» — не как мысль, а как изменение фона. Сто Теней притихли разом, как затихает шум листьев, когда меняется ветер. На репетициях такого не было, потому что на репетициях слушали трое. Сто было другим количеством. Сто — это уже масса, и масса откликалась иначе.

Первая песня закончилась мягко. В зале не сразу поняли, можно ли хлопать, и пока думали, Лейн уже начинал вторую.

Вторую Крис любила больше. Она была быстрее, с двойным ритмом в припеве, и текст там был не про любовь, а про дорогу. В её прежнем мире её сочинили два шотландских брата с одинаково плохими зубами, и в оригинале парень обещал девушке, что пройдёт пятьсот миль ради неё, а если надо, ещё пятьсот сверху. У шотландцев это звучало как обыкновенное преувеличение влюблённого, который вряд ли пройдёт и пятьдесят, но обещать любит. В Аррене, в женских устах, в мире, где охраняемое лицо не может выйти за ворота без подписанного мужем письма, «я прошла бы пятьсот вёрст и ещё пятьсот вёрст сверху ради того, кто меня

ждёт» звучало совсем иначе. Не как любовная гипербола. Как тихий побег, замаскированный под романтику.

Крис, переписывая, оставила «вёрсты» и «того, кто ждёт» как было. Лейн похвалил текст за лиричность. Лейн вообще был хорошим человеком, и иногда Крис не знала, говорить ли ему, что половину её песен в её прежнем мире пели мужчины, женщины и группы, которые здесь все были бы как минимум отправлены в Дом коррекции, а как максимум вообще не родились бы.

Ну и пусть слушают как философию, думала она, начиная припев. Я-то знаю, что это.

Тени в первых рядах двигались синхронно с её Тенью. Собственную Крис чувствовала позади, та стояла прямо и спокойно, как договаривались. Тени в зале повторяли мягкие движения людей: кто-то покачивался в такт, кто-то наклонялся вперёд, кто-то подпирал щеку рукой. Обычная человеческая жизнь, отражённая в тенях на полу.

А потом она поняла, что в зале есть три Тени, которые двигаются не как все.

Не мужские. Женские. Три штуки, разбросаны по залу: одна в третьем ряду слева, одна ближе к проходу в середине, одна совсем сзади, у стены. Они двигались живее, чем положено женским Теням в Аррене. Не вызываясь, никто бы со стороны не заметил, но Крис слышала их через «отклик» громче, чем всех остальных. Эти три отзывались на музыку не так, как отражение. Они отзывались как живое.

И они её слышали.

Не песню. Её. То, что было между строк. Песня про пятьсот вёрст в женских устах вдруг переставала быть метафорой, и три женщины в зале это понимали — может, не словами, может, только Тенями, но понимали.

Крис набрала воздух и пошла во второй припев.

И вот тогда это случилось.

На той самой строчке, на «и пройду ещё пятьсот, чтобы быть с тем, кто меня ждёт», три женские Тени в зале качнулись одинаково. Не в такт музыке. В такт друг другу.

Крис чуть не сбилась.

Это длилось секунду, может полторы. Три точки в разных частях зала, три женщины, которые не знали друг друга, чьи Тени никогда не подавлялись до конца или подавлялись плохо, — все три качнулись в одну сторону и замерли. Будто услышали одно и то же слово. Будто услышали друг друга через её музыку, как через раскрытое окно слышен далёкий разговор.

Лейн поднял голову от инструмента.

Он смотрел не на Крис. Он смотрел в зал, быстро, по очереди в три точки. Он видел.

Крис допела куплет на автомате, потому что тело Миры умело петь без неё, если очень нужно. Голова в это время делала четыре дела одновременно: держала текст, держала мелодию, держала собственную Тень в спокойствии и пыталась понять, что только что произошло.

То, что произошло, имело название. Нара называла это «отозвались». Хроники называли это «синхронизацией». Триста лет назад это видели последний раз, и заканчивалось оно тогда плохо для всех, кто видел. Для тех, кого видели, заканчивалось ещё хуже.

И всё это происходило сейчас, в дешёвом зале на сто мест, в среду вечером, под её песню про пятьсот вёрст, которую в её прежнем мире двое братьев пели в клипе, прыгая по шотландским холмам.

Где-то на этих холмах, подумала Крис, два брата сейчас, наверное, спокойно пьют пиво и понятия не имеют, что их песня в другом мире только что подняла в воздух три женские Тени и, возможно, кое-что похуже. И слава богу. Хоть кому-то сегодня хорошо.

Она допела. Зал сидел тихо. Лейн посмотрел на неё. Она кивнула.

Он начал третью.

Третью, четвёртую и пятую она уже отслеживала зал внимательнее. Три женщины с живыми Тенями никуда не делись. Третий ряд слева — молодая, с непокрытыми плечами, что для Аррена странно само по себе. У прохода — постарше, лет сорока, в строгом платье. Сзади у стены Крис не могла рассмотреть из-за расстояния, но Тень оттуда была сильнее всех.

И ещё она заметила одного человека.

Мужчина у дальней стены, справа от входа. Стоял, не сидел, хотя свободные места были. В обычном гражданском костюме, без чего-либо служебного. Лет сорока, может пятидесяти, лицо обыкновенное, такое забываешь через минуту. Если бы Крис не была там, где она была, она бы не обратила внимания.

Он смотрел не на сцену.

Он смотрел в пол.

Точнее, он смотрел на тени, которые лежали на полу у каждого ряда. Двигал взгляд медленно, по одной, как смотрит врач, когда обходит палаты. Иногда задерживался. Иногда возвращался к одной и той же точке.

Он был не зритель. Зрители смотрят на сцену.

Она допела пятую и улыбнулась залу той условной сценической улыбкой, которая ничего не значит и которую можно надеть на любое лицо. Лейн объявил перерыв. Музыканты ушли за кулисы. Крис ушла последней, и, проходя в боковую дверь, успела ещё раз взглянуть на ту стену.

Мужчины там уже не было.

Она отметила это и пошла за занавес.

— Ты ведь тоже видела, — сказал Лейн, едва они оказались в маленькой комнате.

— Видела. Три штуки, разом.

Лейн сел на ящик и положил инструмент рядом. Лицо у него было такое, какого она у него ещё не видела, — собранное и испуганное одновременно, без обычной музыкантской лёгкости.

— Я думал, такого больше не бывает, — сказал он.

— Бывает, — сказала Крис.

Лейн посмотрел на неё.

— Та женщина, про которую я тебе рассказывал, — медленно проговорил он. — Из другого города. Когда я её видел, я видел только её и её Тень. Одну. А тут — три сразу. Это другое. Это что-то совсем другое.

— Знаю, — сказала Крис.

— Они же друг друга не знают.

— В том и странность, — сказала Крис. — Не знают.

Крис села напротив него на стул, который стоял у стены.

— Через музыку, — сказала она. — Через меня. Я для них как канал, что ли. Они отозвались не на песню. Они отозвались друг на друга, потому что мелодия открыла канал.

Лейн долго смотрел в пол.

— Это опасно, — сказал он.

— Я знаю.

— Очень.

— Я знаю, Лейн.

Он поднял взгляд.

— Кто-то это видел?

Крис не ответила сразу. Она думала про мужчину у стены, который смотрел в пол.

— Возможно, — сказала она.

Финальной песней программы была быстрая вещь, которую Крис в первом варианте поставила в середину, а Лейн перенёс в самый конец. «Чтобы они вышли в ночь с этим в голове», — сказал он. Лейн знал, что делал.

В её прежнем мире эту песню в своё время пела чёрная женщина с громким голосом, и пела она её про неверного мужчину, которого выгнала из дома, после чего он пришёл к ней проситься обратно, а она — нет, дорогой, теперь моя дверь закрыта, и я выживу, и у меня будет жизнь без тебя. Это был гимн целого поколения брошенных и не очень женщин, которые поняли, что без него лучше, чем с ним.

В Аррене этого, разумеется, не пели. В Аррене женщина, которая выгоняет мужа, в принципе не существовала как явление. Поэтому Крис, переписывая текст, повернула его на сорок пять градусов: героиня не выгоняла, героиня — выживала. Просто выживала. Выживала несмотря ни на что, выживала, когда никто не верил, выживала, когда было больно, выживала, потому что выбора, в общем-то, не было, а раз выбора нет, то остаётся идти. «Я выживу, я выживу, я научилась стоять одна» — пела она в припеве, и местному уху это ложилось как песня о женской стойкости в трудные времена, что-то вроде гимна терпеливой жены, ждущей мужа с войны.

Терпеливая жена, ждущая мужа с войны, моё почтение, думала Крис, выходя на сцену. Ну-ну.

Лейн взял первый аккорд, быстрый и резкий, и зал вздрогнул, потому что после спокойного второго отделения никто не ожидал такого выхода. Барабанщик подключился через два такта, виолончельный — через четыре.

Крис запела.

В этот раз она смотрела в зал. Не разглядывала — чувствовала, но смотрела открыто, и публика в первых рядах подалась вперёд. Голос Миры на быстрой вещи раскрывался иначе, чем на медленной — в нём было что-то, что Крис не умела назвать словами, но слышала, как все остальные. Это был голос человека, который что-то знает. Не теоретически. Конкретно.

К припеву зал был её полностью.

И тогда три женщины в зале синхронизировались снова.

В этот раз — с другой амплитудой. В первый раз качнулись и замерли. Сейчас — двигались. Их Тени двигались в такт припеву, синхронно между собой, синхронно с её Тенью на сцене. Четыре женские Тени в одном помещении делали одно и то же одновременно, и на доли секунды Крис почувствовала, что они вчетвером — это что-то, чего она раньше не знала. Не четыре отдельные. Одна большая.

Это длилось не больше двух тактов. Потом Крис испугалась — не за себя, за них, потому что если кто-то в зале это видел, то трём женщинам конец, — и инстинктивно потянула канал обратно. Просто опустила голос на полтона ниже на следующей строчке, ушла из той точки, где они все совпадали. Тени разошлись. Каждая снова стала своей.

Лейн посмотрел на неё. Лейн понимал — может, не как именно, но понимал, что она только что сделала. Он чуть кивнул и пошёл во второй припев.

Крис допела песню до конца.

Когда отзвучала последняя нота, на секунду в зале не было никаких звуков. И в этой секунде Крис слышала через «отклик» что-то, чего не слышала раньше: общий выдох. Не звук — состояние. Как будто сотня человек на мгновение сделалась одним человеком.

Потом зал взорвался хлопками.

Хлопали стоя. В Аррене это редкость — обычно хлопают сидя и недолго, потому что бурное проявление чувств считается чем-то вульгарным. Здесь стояли. Студенты в первых рядах кричали что-то, женщина у прохода, та самая, со второй живой Тенью, вытирала глаза, и не она одна.

Они аплодируют гимну женщины, выгнавшей мужа из дома, думала Крис, кивая в зал и не глядя в зал. И не подозревают об этом. И аплодируют стоя.

Где-то в её прежнем мире чёрная певица пела бы это сейчас в каком-нибудь баре, и зал подпевал бы хором. Здесь её песня шла под видом гимна терпеливой жены, и зал тоже стоял, и тоже подпевал бы, если бы знал слова. Станным образом и то и другое было правдой одновременно. Песня умела работать в обе стороны.

Лейн тронул её локоть, и они ушли за занавес. Сзади хлопки не стихали. Сухой человек с папкой пробежал мимо них с таким видом, будто папка наконец-то выполнила своё назначение и теперь могла отдохнуть.

Вмаленькой комнате Лейн сел на ящик и долго молчал.

— Мы это сделали, — сказал он наконец.

— Да. Мы молодцы, — сказала Крис.

— Будут ещё концерты.

— Конечно.

Он посмотрел на неё.

— Ты этого хочешь?

Крис подумала. Не быстро, медленно, как думают о вещах, которые потом нельзя будет отменить.

— Хочу, — сказала она.

Лейн кивнул и взял инструмент в чехол.

Домой её должна была проводить Весса. Официально это значилось как «литературный вечер по приглашению, сопровождающее лицо имеется». Дорр подписал письмо, не задавая вопросов. За последние недели это стало нормой, и Крис старалась об этом много не думать, потому что когда она об этом думала, в груди что-то происходило, а называть это что-то она не хотела.

Весса ждала у бокового выхода. На ней было обычное тёмное пальто, и руки она держала в карманах. По её лицу нельзя было понять, ждала ли она тут полчаса или пять минут. Скорее всего, полчаса.

— Идём? — спросила Крис.

Весса кивнула в сторону улицы, и они вышли.

Вечер был тёплым. Над крышами стояла неполная луна, и на улицах ещё были люди — поздняя весна в Харне жила позже обычного. Они пошли по тротуару, и Крис шла рядом с Вессой, и за ней неслышно шла её собственная Тень, тихая и довольная, как кошка, которая только что съела что-то запрещённое.

— Весса, — сказала Крис негромко после первого квартала. — Их было четверо.

Весса повернула голову.

— Кого?

— Женщин с живыми Тенями. В зале. Три на первой половине, на последней — нас стало четыре, считая меня. Мы синхронизировались на припеве. Я сама еле успела отыграть назад.

Весса некоторое время шла молча. Лицо у неё было такое, какое бывает у человека, считающего в уме что-то нехорошее.

— Четыре, — сказала она наконец, — Это плохо. Кто-то ещё мог заметить.

— Я знаю, — сказала Крис. — Поэтому и говорю вам.

Они дошли до перекрёстка и остановились, пропуская повозку. Лошадь шла ровно, и возница смотрел перед собой.

— Весса, — сказала Крис. — Там был мужчина у стены. Он смотрел не на сцену. Он смотрел на тени на полу.

Весса коротко взглянула на неё и снова перевела взгляд на дорогу.

— Опишите, — сказала она.

Крис описала.

Весса слушала, не перебивая. Когда повозка проехала, они пошли дальше, и Весса некоторое время молчала.

— Господин Дорр должен будет знать?

— Нет, — быстро сказала Крис. — Пока нет.

Весса посмотрела на неё сбоку.

— Мира.

— Знаю, Весса. Знаю. Но пока — нет.

Весса больше ничего не сказала.

Дома было тихо. Дорр уже спал — или не спал, Крис не стала проверять. На кухне горел маленький свет, и Нэй оставила на столе кружку с чем-то тёплым, накрытую тряпочкой. Крис выпила, не разбираясь, что это.

Поднимаясь по лестнице, она остановилась посередине.

В груди было странное ощущение, и она не сразу поняла, какое именно. Потом поняла. Это было что-то вроде состояния, которое бывает после первого настоящего разговора с человеком, в которого ты заочно влюблена уже месяц, когда не страшно ещё, а только начинает становиться страшно, потому что теперь это уже не просто фантазия, а конкретный факт.

Только сегодня это было не про человека. Это было про то, что она сделала.

Четыре Тени отозвались. Один человек у стены смотрел не туда. Сотня людей хлопала стоя гимну женщины, выгнавшей мужа из дома, и ни один из них об этом не подозревал. Где-то на улицах Харна сейчас, вероятно, кто-то насвистывал её мелодию по дороге домой — мелодию, которую в её прежнем мире сочинили двое братьев с плохими зубами, прыгая по холмам ради шутки. Завтра кто-нибудь её перепишет на бумагу по слуху и понесёт в свой дом, в другой квартал, в другой город.

Это было только начало. Крис это понимала, и от этого понимания внутри было одновременно тепло и не очень.

И ещё одно. Те песни, которые она сегодня выпустила в Аррен под видом местной музыки, — они в её прежнем мире уже всё, что могли, сделали. Их пели десятилетиями, под них женились и расходились, под них убивались по воскресеньям и плакали в одиночестве. У них там была своя долгая жизнь, и она кончилась примерно тогда же, когда Крис кончилась под мазерати на пешеходном переходе.

А здесь они только начинали. И начинали в мире, где «я пройду пятьсот вёрст» в женских устах — не гипербола, а программа, и где «я выживу одна» — не ретро-гимн брошенных жён, а инструкция, которую местные женщины пока ещё не научились читать. Песни этого не знали. Но Крис знала.

И это, если честно, было самое смешное за весь вечер.

Она поднялась к себе, закрыла дверь. Тень у стены встретила её, спокойная, словно ничего и не было.

— Поздравляю, — сказала Крис тихо. — Ты теперь проводник для четырёх.

Тень не ответила, как обычно. Но угол её головы был слегка довольным — Крис уже умела это читать.

Она легла, не раздеваясь, и долго смотрела в потолок. За окном кто-то шёл по улице. Шаги были обычные, ни торопливые, ни осторожные, просто шаги мужчины, идущего по своим делам поздно вечером. Прошли мимо ворот и стихли.

Может, всё это и не значило ровным счётом ничего — а может, значило слишком много, и она просто пока не умела отличить одно от другого. Завтра разберётся.

Глава 2. Утро после

Утро началось с того, что Крис открыла глаза с очень конкретной мыслью: четыре.

Не «доброе утро», не «как я спала» или «где я нахожусь». Просто число. Оно лежало в голове сразу, как лежит на столе предмет, который ты положил вчера и забыл, а потом проснулся, и он там, никуда не делся.

Четыре женские Тени синхронизировались на финальной песне.

В мире, в котором, согласно официальной хронике, такого не случалось триста лет.

В среду вечером, в дешёвом зале на сто мест.

Под аранжировку Лейна.

Замечательное начало дня, подумала Крис. Так держать.

Она лежала и слушала дом. Дом дышал ровно: на кухне Нэй что-то двигала, в коридоре первого этажа скрипнула половица под Вессой, со стороны кабинета — тишина. Дорр уже ушёл в Надзор. Это было хорошо, потому что встретиться с ним за завтраком этим утром Крис не была готова. Не потому что он мог что-то знать — теоретически он не мог. А потому что внутри у неё было слишком много данных и слишком мало решений по ним, и встречаться с Оценщиком в таком состоянии — заранее проигрышная позиция.

Тень у стены стояла прямо. Угол головы — внимательный.

— И тебе доброе утро, — сказала Крис.

Тень не ответила. Тени, как известно, плохо разговаривают по утрам. Это и роднит их с людьми.

За завтраком Нэй принесла кофе и, ставя его на стол, посмотрела на Крис чуть дольше, чем обычно.

— Как вы, Мира?

— Хорошо, — сказала Крис.

— Вернулись поздно.

— Литературный вечер затянулся.

Нэй кивнула с таким лицом, будто литературные вечера в Тихом квартале затягивались каждую среду, а она просто проявляла вежливый интерес. Потом сказала, понизив голос:

— Господин Дорр уехал на час раньше обычного.

Крис подняла взгляд от чашки.

— На час?

— На час. И не позавтракал. Только кофе.

Это было полезной информацией. Дорр не пропускал завтраки. Дорр в принципе был человеком, у которого ритм дня имел гранитную устойчивость — завтрак в восемь, газета, десять минут на сад через окно, потом надзорные дела. То, что он уехал на час раньше и без еды, означало, что в Надзоре его ждали. А Дорра ждали в Надзоре только тогда, когда что-то срочно появлялось в Надзоре.

— Спасибо, Нэй.

Нэй кивнула и ушла.

Крис допила кофе медленно, потому что быстро допивать его сейчас было бы неуместно — снаружи. Внутри Крис уже стояла на ногах, надевала пальто и шла к Тэю. Снаружи Мира спокойно завтракала, как охраняемое лицо в благополучном доме после хорошего вечера.

На столе лежала местная газета — Дорр оставил, что было редкостью. Обычно он уносил её в кабинет. Крис придвинула газету и пробежала первую полосу.

Первое, что она увидела, была короткая заметка на третьей колонке. Заголовок: «Прибытие специалиста центрального ведомства». Текст в три абзаца, сухой, в стиле «по нашим

сведениям» и «в рамках планового мероприятия». Имя — Сэвен. Должность — Блюстителю первого класса. Цель визита — «методическая поддержка окружного управления».

Методическая поддержка окружного управления, подумала Крис. Какие красивые слова. У них тут даже инквизиция говорит на языке методиста по культуре.

Она сложила газету ровно так, как Дорр её положил. Аккуратность сейчас стоила больше, чем обычно. Если он вернётся и заметит, что газету трогали, он не сделает ничего, но запомнит. Дорр всё запоминал.

Письмо у неё было — выписанное Дорром накануне, на сегодня, на «лавку и обратно». Он подписывал письма заранее на день вперёд, что в нормальных обстоятельствах было удобно, а в текущих — оказалось подарком судьбы.

К Тэю Крис пошла пешком, не быстро, чтобы успеть подумать.

Итак, что мы имеем после вчерашнего: четыре женщины в одном зале с живыми Тенями синхронизировались на музыке. Один человек, не похожий на зрителя, наблюдал за тенями на полу. После концерта тот человек ушёл раньше, чем закончились аплодисменты. Если человек у стены был тем, кем Крис подозревала, то «методическая поддержка окружного управления» получила первый рабочий материал. Крис пока не знала что со всем этим делать и это было самым неприятным пунктом.

Я хочу заметить, подумала Крис, обращаясь куда-то к себе же, что у нормальных попаданок в этом месте обычно появляется наставник, артефакт или дракон. У меня, для разнообразия, появился специалист по Теням из центрального ведомства. Спасибо, мироздание. Очень оригинально.

В лавке Тэя было оживлённо.

То есть для Тэя оживлённо. Это означало, что в лавке были два других человека, что для буднего утра являлось почти ажиотажем. Один листал что-то на полке у входа, второй стоял у прилавка и разговаривал с Тэем. Крис прошла к третьей полке от окна — той, где стояла теория, — и сделала вид, что выбирает книгу.

— ...последний экземпляр, — говорил человек у прилавка. — Вы уверены?

— Уверен, — сказал Тэй ровно.

— Я заплачу больше.

— Цена прежняя. Книга одна, она достаётся вам. Спасибо за интерес.

Человек заплатил, забрал книгу и вышел. Дверной колокольчик звякнул. Второй покупатель ещё постоял у полки и тоже ушёл — без покупки, но с задумчивым видом.

Тэй посмотрел на Крис.

— Не здоровайтесь, — сказал он негромко. — Подождите.

Он подошёл к двери, выглянул на улицу, постоял там секунду, потом вернулся за прилавком. Достал из-под него небольшую книгу в простой серой обложке и положил перед Крис.

Она узнала её сразу. Это была её собственная книга. Точнее, та, которую она сочинила за две зимние недели, отдала Тэю в чистовике три месяца назад, и которая называлась — на местный вкус — «Заметки путешественника в неизвестных краях».

В её прежнем мире похожую интонацию изобрёл Лем, и Крис честно перед ним извинялась мысленно каждый раз, когда дописывала очередную главу. Там был герой — рассеянный учёный, путешествующий по разным странам, в каждой из которых общественное устройство было доведено до абсурда. Одна страна управлялась голосованием овец. Другая — обществом, где никто не имел права знать собственное имя. Третья — государством, где каждое слово взвешивалось на специальных весах перед произнесением, и тяжёлые слова облагались налогом.

Местный читатель воспринимал «Заметки» как философскую сатиру. Местный читатель, разумеется, не подозревал, что половина описанных стран — это слегка перекрашенный

Аррен, у которого Крис заменила имена и слегка преувеличила пропорции. В стране со взвешиванием слов, например, охраняемые лица говорили бесплатно, потому что их слова считались ничем не весящими. Это была шутка, которую только Крис и считала шуткой. Местные читали и кивали с глубокомысленным видом.

— Запросили второй тираж, — сказал Тэй.

— Уже? — Крис не ожидала такой скорости.

— Утром приходил человек от издателя. Первый разошёлся за две недели. Это, — он постучал пальцем по обложке, — последний экземпляр первого. Я держал его для вас.

— Зачем?

— Потому что вы автор, — сказал Тэй ровно, — и вы должны иметь хотя бы одну.

Крис взяла книгу и подержала её в руке. Тонкая, с грубой бумагой, с надписью «без указания автора» там, где обычно стоит имя. Это была её первая книга в этом мире, и держать её было странно — как держать чужого ребёнка, про которого ты точно знаешь, что он твой.

— Какой тираж? — спросила она.

— Первый был пятьсот. Второй заказали тысячу.

Тысяча экземпляров. В мире, где грамотных меньше, чем в её прежнем мире, и книги читали медленно, передавая из рук в руки, тысяча — это много. Это очень много для дебюта.

— Тэй.

— Да.

— Это плохо или хорошо?

Тэй сложил руки на прилавке.

— Это интересно, — сказал он. — В моей профессии «интересно» — это слово, после которого обычно начинаются проблемы. Кто-то заметит. Кто-то задаст вопросы. Кто-то придет посмотреть, кто пишет такие странные вещи, и обнаружит, что автор не указан, а торговец говорит про архив, который никто не видел. — Он помедлил. — Но пока — пока нас никто не спрашивал.

— Пока, — сказала Крис.

Они помолчали. Колокольчик у двери не звенел. Улица за витриной жила своей утренней жизнью.

— Тэй. Ещё одно.

— Да.

— В Харн приехал Блюстителю из центра. Сэвен. Я видела утром в газете.

Тэй медленно поднял взгляд.

— Это связано с вами?

— Не знаю, — сказала Крис. — Возможно. Возможно, нет. Но связано — точно с чем-то. Просто так из центра в Харн не приезжают.

Тэй смотрел на неё ещё секунду. Потом сказал, очень тихо:

— Мира. Если он связан с вами, и если у него есть причина быть здесь именно сейчас, после вчерашнего вечера, то это не совпадение. И я это говорю не для того, чтобы напугать вас. Вы ведь и сами должны видеть причинно-следственные связи.

— Я вижу.

Он убрал книгу в простую бумажную обёртку и протянул ей.

— Спрячьте получше.

Крис убрала свёрток в сумку, под две купленные «для вида» книги по теории музыки.

У двери, уже выходя, она оглянулась.

— Тэй. Знаете, что самое смешное?

— Что?

— Что половина людей, которые её сейчас читают, считают её философской книгой. А я её писала как путеводитель. Я просто хотела, чтобы у кого-нибудь, кроме меня, был список того, что вокруг.

Тэй смотрел на неё долго.

— Я подозревал, — сказал он наконец.

— Я знаю, — сказала Крис. — Поэтому и говорю вам.

Она вышла на улицу.

Дома было тихо.

Слишком тихо для середины дня — обычно в это время Нэй гремела на кухне, готовясь к обеду, а Весса где-то шила или разбирала бельё. Сейчас не гремело и не шило. Когда Крис вошла, Весса сидела на кухне с пустыми руками и смотрела в окно.

— Весса.

Весса повернулась.

— Вы рано.

— Тэй был занят. Решила не ждать. — Крис поставила сумку на стол. — Что-то случилось?

Весса посмотрела на неё ровно. Лицо у неё было то самое, которое Крис уже научилась читать как «информация, которую мне неприятно сообщать, но я сообщу, потому что должна».

— Господин Дорр прислал записку через посыльного. Будет к восьми. Просит сегодня не ждать его к обеду.

— К восьми, — повторила Крис. — Это...

— На два часа позже обычного. Минимум.

Они посмотрели друг на друга. Никто не сказал «это связано». Никто не сказал «специалист из центра приехал именно сегодня». Никто не сказал «Дорр в Надзоре с восьми утра без перерыва».

Это всё стояло в воздухе между ними, и в произнесении вслух не нуждалось.

— Отлично, — сказала Крис. — Я буду в библиотеке.

— Мира.

Крис остановилась у двери.

— Да.

— Что бы он ни сказал вечером, — медленно проговорила Весса, — постарайтесь не отвечать сразу. Подумайте. У него выдержка лучше, чем у вас.

— Знаю, — сказала Крис.

— Нет, — сказала Весса. — Сегодня — не знаете. Сегодня вы устали, и не выспались, и слышали слишком много за один вечер. В таком состоянии люди говорят то, что потом не изменишь. Подумайте, пожалуйста.

Крис взглянула на неё.

— Спасибо, Весса.

— Не благодарите, — сказала Весса. — Идите. И уберите свёрток из сумки в надёжное место. Я не спрашиваю, что там, но я видела, как вы его прятали под книгами, и если я видела — увидит и кто-нибудь другой.

Крис вынула свёрток из сумки, не споря, и пошла наверх.

В библиотеке она положила свою книгу на стол перед собой и долго смотрела на неё.

«Заметки путешественника в неизвестных краях». Без указания автора. Тысяча экземпляров на втором тираже. Уже разошлась по Харну, скоро будет в соседних городах, через полгода доедет до столицы, если успеет.

Если успеет до того, как Сэвен закончит свою «методическую поддержку».

Крис открыла книгу на случайной странице и наткнулась на главу про страну, где всем гражданам с рождения выдавался один и тот же ответ на любой вопрос, и они должны были подгонять под него вопросы. Она помнила, как писала эту главу — в декабре, в этом самом доме, под аккомпанемент шагов Дорра в коридоре первого этажа. Тогда это казалось ей довольно остроумной шуткой.

Сейчас, при свете утра после концерта, шутка читалась иначе.

Это уже не путеводитель. Это руководство, подумала Крис. Не скрытое, не диверсионное. Просто описание того, что есть. Но в мире, который не описывал себя ни разу за триста лет, любое честное описание автоматически становится диверсией. Я не виновата. Это просто свойство этого мира.

Она закрыла книгу и спрятала её на верхнюю полку, за «Гармонические системы Аррена», где её точно никто не будет искать, кроме самой Крис.

Тень у стены стояла прямо. Угол головы был задумчивый.

— Знаю, — сказала Крис тихо. — Сегодня будет интересный вечер.

За окном вторая половина дня шла своим ходом. В саду что-то цвело уже всерьёз, и в открытое окно вливался запах живого, тёплого, ничего не подозревающего лета.

Через шесть часов вернётся Дорр. На два часа позже обычного.

Крис села в кресло у окна, открыла книгу по теории музыки, ту самую, которую купила «для вида», — и стала ждать.

Глава 3. Специалист

Дорр вернулся в восемь двенадцать.

Крис не считала минуты — то есть считала, но мысленно ругала себя за это, потому что считать минуты до возвращения мужа было одним из тех занятий, которые охраняемые лица в Аррене выполняли исправно, а Крис категорически этого делать не собиралась. И всё-таки часы в гостиной отбили восемь, потом четверть. Где-то между ними скрипнули ворота — и она услышала это из библиотеки, оттуда, где этого слышно быть не должно.

Она не пошла встречать. Это тоже была граница, которую Крис держала с тех пор, как они переехали в режим, у которого ещё не было названия. Охраняемые лица встречали мужей в прихожей. Жёны — иногда. Просто живущие в одном доме люди — нет. Она была пока чем-то третьим, и до тех пор, пока никто её ни в одну категорию не записал, она ни в одну и не вписывалась.

В коридоре первого этажа звякнули ключи. Шаги Нэй, негромкий разговор. Потом шаги Дорра — на лестницу.

Крис открыла книгу по теории музыки на странице, которую читала с обеда, и посмотрела на неё с видом человека, увлечённого предметом. Получилось, видимо, плохо, потому что когда Дорр вошёл в библиотеку и остановился у двери, он сказал:

— Ты читаешь эту страницу четыре часа.

— Очень глубокая страница. В ней скрыта слишком высокая концентрация мысли, — сказала Крис.

Он чуть наклонил голову. Это было его «принимаю шутку, но к делу».

Он выглядел уставшим.

Не так, как уставал обычно, — после долгого дня в Надзоре Дорр приходил с лицом «работа сделана», без видимых следов на нём. Сегодня лицо было другое. Что-то у глаз — не круги, что-то тоньше, как будто кожа подтянулась к черепу. Воротник расстёгнут на верхнюю пуговицу, что для Дорра в восемь вечера, ещё не дома, ещё в пиджаке, было почти вольностью.

Он прошёл к креслу напротив и сел. Не спросив. Это уже было обычным.

— Мира.

— Я слушаю.

Он посмотрел на свои руки. Потом на неё.

— В Харн приехал Блюстителю первого класса. Сэвен. Из центрального ведомства.

— Я знаю, — сказала Крис.

Дорр поднял взгляд.

— Откуда?

— Утром было в газете. Третья колонка. Методическая поддержка окружного управления.

Он несколько секунд смотрел на неё ровно. Потом — Крис могла бы поклясться — что-то дрогнуло в углу его рта. Не улыбка. Просто едва заметное «принято». Как когда профессионал видит, что собеседник тоже умеет читать.

— Понял, — сказал он. — Тогда часть разговора уже не нужна.

— Какая часть?

— Та, в которой я объясняю, что приехал не плановый инспектор.

Крис закрыла книгу и положила на стол.

— Кто он, Дорр?

Дорр немного помолчал. Это было его профессиональное молчание, в котором он подбирал не слова, а то, какие из имеющихся слов выдавать.

— Очень хороший специалист, — сказал он наконец.

В её прежнем мире у Крис был учитель физики, который про умных учеников говорил «способный», а про действительно блестящих — «очень способный». «Способный» означало одно, «очень способный» — совсем другое, и разница между ними была примерно как между человеком, который умеет водить, и человеком, который выигрывает гонки. Сейчас Дорр сказал «очень хороший специалист» тем же тоном. И учитывая, что Дорр сам был, скажем мягко, не последним Оценщиком в Аррене, это означало, что Сэвен был чем-то вроде гонщика мирового уровня.

Замечательно, подумала Крис. Антропологи получают новый экспонат. *Specialist Centralis*, подвид методический. Особые приметы: умеет смотреть так, что кожа подтягивается даже у других специалистов.

— Насколько хороший? — спросила она.

— Достаточно, — сказал он и, поймав её взгляд, добавил: — Лучше меня. В работе с Тенями. По крайней мере, по официальной репутации, и я не знаю случая, когда репутация была бы преувеличена.

Это было сказано без ложной скромности и без театральности. Просто констатация. Дорр был человеком, который знал свой класс, и если он говорил, что кто-то выше — значит, кто-то выше.

— Зачем он здесь?

— Официально — методическая поддержка. Карн запросил, центр прислал.

— А неофициально?

Дорр посмотрел на неё.

— Ты знаешь зачем.

Они сидели и смотрели друг на друга. За окном Тихий квартал затихал на ночь. Где-то в доме Нэй переставляла посуду на кухне — шум был профессионально дозированный, ровно такой, чтобы давать понять, что кухня жива и кто-то там есть, но не настолько громкий, чтобы мешать.

— Когда он захочет меня видеть? — спросила Крис.

— Скоро. Возможно, в ближайшие дни. — Дорр чуть помедлил. — Я подал предварительные документы по тебе сегодня, как и требовалось. Это даёт мне основание сказать, что у него уже есть весь пакет, и в личной встрече нет немедленной необходимости. Это его задержит. На сколько — не знаю. Надеюсь, на неделю. Может, две или вообще всего на день.

Крис смотрела на него.

— Вы только что мне сказали, что специально тормозите процедуру.

— Да.

— Зачем?

Он не сразу ответил.

— Потому что у нас должно быть время, — сказал он наконец.

Крис подумала: «Он сказал «У нас». Не «у тебя» и не «у меня»»

В груди у Крис что-то отозвалось — то самое, что она не хотела называть. Она просто отметила это и продолжила слушать.

— Дорр.

— Да.

— Если так он хорош — он ведь узнает, что вы намеренно тормозите процедуру.

— И будет искать причину.

— И найдёт? — спросила Крис.

— Может быть.

Они опять помолчали. Мира снаружи смотрела на вторую пуговицу его рубашки — это было примерно в районе ключицы, что соответствовало пункту пять основного распорядка, — и Крис изнутри думала, что пункт пять основного распорядка стал, как ни странно, удобной

привычкой. В моменты, когда смотреть в глаза было слишком, можно было смотреть на пуговицу. Это давало время и не сообщало ничего лишнего.

— Дорр.

— Да.

— Спросите меня прямо.

Он чуть приподнял бровь.

— О чём?

— Вы пришли сюда не только для того чтобы сказать про Сэвена, — сказала Крис. — Это можно было сказать за ужином. Вы пришли что-то спросить. Спросите.

Он смотрел на неё. Долго. Потом сказал — тихо:

— Что было вчера?

Крис набрала воздух.

Это был вопрос, на который у неё были разные ответы — от полной правды до полного отрицания, и между ними целая шкала промежуточных вариантов. Она перебирала их в голове весь день, и пришла, в конце концов, к выводу, что у неё на самом деле всего два варианта. Первый: соврать сейчас и потом продолжать врать. Второй: сказать достаточно, чтобы было понятно, что она ему доверяет, но недостаточно, чтобы это можно было использовать против неё, если он передумает.

Третьего варианта — сказать всё — не было. Не потому что Дорр был плохой человек. А потому что то, что она знала, не принадлежало только ей. Весса, Нара, три женщины в зале, Тэй с его книжными запасниками. Передавать чужое не имела права даже она.

— Я пела, — сказала Крис.

— Я знаю.

— На сцене. Перед сотней человек.

— Я знаю.

— И что-то произошло.

Дорр чуть наклонил голову — приглашение продолжать.

— В зале были женщины, — сказала Крис, — чьи Тени отзывались на музыку. Не как обычно. Сильнее. Я почувствовала их через... — она поискала слово, — через то, что я могу чувствовать.

— Сколько?

— Несколько.

— Несколько — это сколько, Мира.

Она посмотрела ему в лицо. Не на пуговицу. В лицо.

— Несколько, Дорр.

Он несколько секунд смотрел ей в глаза, и она смотрела в ответ, и ни один из них не отводил взгляда. В Аррене это было нарушением многого — пунктов, параграфов, древнего страха. Между ними сейчас это было просто как между двумя людьми, которые решали, насколько они доверяют друг другу.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Хорошо?

— Ты сказала достаточно. Я не буду спрашивать больше. Это твоё дело — сколько мне говорить и когда.

— Дорр.

— Да.

— Если Сэвен спросит вас, что я делала вчера, что вы скажете?

— Что моё охраняемое лицо посещало литературный вечер с сопровождающей, — сказал Дорр ровно. — Что вернулось в обычное время, без происшествий. Что вело себя в соответствии с нормами.

— Это неправда.

— Это документально подтверждается, — сказал Дорр. — Письмо подписано мной, маршрут указан, время возвращения зафиксировано Вессой. Сэвен может это проверить. Он проверит. Документы будут в порядке.

— А то, что было на самом деле?

— На самом деле, — сказал Дорр, — он у меня не спрашивал.

Крис молчала.

Это было удивительное предложение, по местным меркам — полусказанное, без явного пакта. Дорр не предлагал ей покрывать её. Дорр сообщал, как он будет отвечать на вопросы, которые ему могут задать. Решать, что Крис с этой информацией делает, было её делом.

— Спасибо, — сказала она.

Он кивнул один раз. Очень коротко. И встал.

— Я пойду спать, — сказал он. — Завтра рано в Надзор. Сэвен будет там с восьми.

— Понимаю.

У двери он остановился. Не обернулся, как обычно.

— Мира.

— Да.

— Не пой больше публично, пока он в городе.

Это было сказано тихо. Не приказом. Просьбой.

— Договорились, — сказала Крис.

Он вышел. Дверь закрылась тихо.

Крис сидела в кресле и смотрела на закрытую дверь.

В груди у неё было сложное состояние — смесь облегчения, тревоги и того самого ощущения, которое она называть не хотела и которое после сегодняшнего разговора стало чуть отчётливее, чем было утром. Она позволила себе минуту ничего с этим не делать — просто сидеть и чувствовать. Минута истекла. Крис закрыла её за собой как страницу и встала.

Тень у стены стояла прямо. Угол головы — внимательный, чуть склонённый.

— Знаю, — сказала Крис тихо. — Не комментируй.

Тень не комментировала. Тени, в общем-то, никогда не комментируют — это одно из их немногих неоспоримых достоинств.

Крис подошла к окну. За стеклом стоял мягкий поздний весенний вечер: в саду что-то цвело, в небе остатки света догорали где-то над крышами соседнего квартала, и тёплый воздух пах живым и зелёным. В её прежнем мире такие вечера были поводом сидеть на балконе с подругами и решать, куда пойти, а потом не идти никуда и оставаться на балконе. Здесь балконов не было — местная архитектура не одобряла открытых пространств, выходящих на улицу из женских комнат. Это, наверное, было предусмотрительно с точки зрения тех, кто проектировал. С точки зрения Крис это было упущенной возможностью провести жизнь интересно.

Зато был сад. Сад в Тихом квартале, с дорожками и беседкой, в который её Тень иногда выходила гулять отдельно. И в который никто не выходил гулять, кроме её Тени.

Она открыла окно.

Воздух хлынул в комнату — настоящий вечерний, со всеми его запахами, и где-то очень далеко на улице кто-то насвистывал. Не её мелодию на этот раз. Что-то другое, местное, неизвестное, и тем не менее — мелодия, которую кто-то насвистывает поздним вечером, идя по своим делам.

Крис стояла у открытого окна и думала о том, что у Сэвена с восьми утра встреча с Дорром. Что Дорр сегодня сказал ей «у нас» вместо «у тебя». Что Тэй продаёт второй тираж её книги, в которой описана страна, где слова взвешиваются на весах, и как только Сэвен прочитает эту книгу — а он, разумеется, её прочитает, потому что Сэвен из тех, кто читает всё, что

появляется на рынке нестандартного, — он поймёт, что страну со взвешиванием слов автор писал, оглядываясь по сторонам.

И что у Крис, по очень осторожной оценке, есть от недели до дня, чтобы решить, что она со всем этим собирается делать.

Тень за её спиной подошла к окну и встала рядом. Просто рядом. Не делала ничего. Просто была.

— Ладно, — сказала Крис тихо, в ночь, и в Тень, и куда-то ещё. — Посмотрим.

Завтра будет следующий день. Завтра Дорр будет в Надзоре с Сэвеном. Завтра Крис будет в библиотеке, и в саду, и в кухне с Вессой, и будет вести себя как охраняемое лицо в благополучном доме. Снаружи. Внутри она будет думать.

Думать она умела. Это было одно из немногих умений, которые ей оставили из прежней жизни нетронутыми, и по сравнению со всем остальным — голосом, телом, лицом, именем — это было довольно много.

Она закрыла окно.

В библиотеке стало тихо. Лампа горела жёлтым. Тень у стены стояла прямо.

Крис взяла со стола книгу по теории музыки, ту самую страницу, и стала читать её всерьёз. Потому что если у неё была ночь, прежде чем начнётся то, что начнётся, — то ночь стоило потратить на что-нибудь полезное.

Например, на музыку.

Глава 4. Запасники

Письмо к Тэю Крис попросила у Дорра за завтраком, и Дорр подписал, не отрывая взгляда от газеты. Это было удобно. Это же было слегка обидно, потому что ещё неделю назад он хотя бы поднял глаза. С другой стороны, какой смысл поднимать глаза, если он точно знает, что бы он ни написал — его охраняемое лицо всё равно куда-то пойдёт, и лучше пусть идёт куда написано, чем куда-нибудь ещё.

Логика, в сущности, была безупречной. Крис эту логику оценила и пошла.

Утро в Тихом квартале было обычным — садовник у соседнего дома подстригал что-то живое, женщина в чёрном переходила улицу в направлении лавки зеленщика, на углу мальчик лет семи методично пинал камешек, видимо, исследуя законы трения. Крис мысленно пожелала ему успехов в науке и свернула на главную.

На главной всё было как всегда. Это её немного встревожило. Когда в среду вечером происходит то, что произошло, а в четверг утром на улицах всё «как всегда» — это значит одно из двух. Либо никто ничего не заметил. Либо заметили те, кто умеет не подавать виду, и теперь думают, что с этим делать. Первый вариант был приятным, но маловероятным. Второй был вероятным и неприятным. Крис, как человек разумный, готовилась ко второму.

Дверной колокольчик у Тэя звякнул не так, как обычно.

Звук был тот же — но Тэй за прилавком вздрогнул. Не сильно, на полсекунды. Если бы Крис не научилась читать мелкие движения местного мужского населения за прошедшие месяцы, она бы не заметила. Она научилась. Она заметила.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе, — сказал Тэй. — Заприте дверь.

— Что?

— Дверь, Мира. Закрутите задвижку.

Крис закрутила. Замок щёлкнул мягко, с той аккуратной обстоятельностью, с которой сделаны были все вещи в этой лавке, включая её хозяина.

Тэй встал, прошёл к окну, поглядел на улицу, вернулся. Привычка.

— Что случилось? — спросила Крис.

— Двое, — сказал он. — Сегодня утром приходили. До вас.

— Двое?

— По одному. С разницей примерно в час. Очень разные, но при этом очень одинаковые. Замечательно, подумала Крис. Утро только начинается, а у нас уже два экспоната. Антропологический дневник пухнет на глазах.

Она присела на стул у стола.

— Рассказывайте.

Тэй сел напротив. Он был собран — внешне абсолютно собран, как умел, — но рука, которая лежала на колене, едва заметно подёргивалась. Не пальцами, всей кистью, маленькими подёргиваниями. Крис это отметила и постаралась лицом не показать.

— Первый пришёл в восемь, — сказал Тэй. — Я как раз открывал. Мужчина лет тридцати пяти, в хорошем костюме. Не местный — выговор столичный. Очень вежливый. Сказал, что прочитал «Заметки путешественника» и нашёл их «весьма любопытными». Спросил, кто автор.

— Что вы ответили?

— Что не знаю. Что рукопись пришла из частного архива одного покойного коллекционера, без подписи. Что я опубликовал её, посчитав текст достойным внимания.

— Поверил?

— Не поверил, — сказал Тэй. — Очень вежливо не поверил. Он спросил название архива. Я назвал — это реальный архив, существовавший когда-то, но сорок лет как распылённый по разным владельцам. Проверить, что в нём было, технически невозможно. Он это знает, и я знаю, что он это знает. Но формально я ответил.

Крис кивнула.

— Дальше.

— Дальше он купил один экземпляр. Заплатил больше, чем стоило, не торгуясь. Спросил, не появлялись ли у меня другие тексты «в схожем духе». Я сказал, что нет. Он улыбнулся и попросил уведомлять его, если появятся. Оставил адрес. — Тэй поморщился. — Адрес настоящий. Я проверил. Это арендованная комната в гостинице «Серебряный лист», третий этаж.

— А «Серебряный лист» — это где обычно останавливаются гости из центрального ведомства, — сказала Крис.

Тэй посмотрел на неё.

— Откуда вы знаете?

— Догадываюсь, — сказала Крис. — Логически. Если приехал Блюстителю из центра, ему где-то нужно жить, и где-то нужно жить его людям. В Харне для таких гостей самая приличная гостиница — какая?

— «Серебряный лист».

— Ну вот.

Тэй покачал головой. Это было не возражение — что-то вроде уважительного «ладно».

— Это был первый, — сказал он. — Второй пришёл в девять с небольшим. Совершенно другой человек. Лет пятидесяти, грубоват, разговаривает короткими фразами. Не извинился, когда задел стопку книг. Сел напротив меня и сказал: «Кто написал?»

— Без предисловий?

— Без. Я ответил то же, что и первому. Архив, покойный коллекционер, неизвестный автор. Он слушал, кивал, потом сказал: «Я тебе верю, парень. Ты ведь не дурак, чтобы врать без причины. Но если автор обнаружится — найдёшь меня». Адреса не оставил. Сказал: «Меня в Харне найти легко, я везде».

— Имя назвал?

— Нет.

Крис обдумывала это.

— Тэй.

— Да.

— Это два разных канала. Первый — официальный, от Сэвена или его людей. Вежливый, документальный, с адресом. Второй — неофициальный. Чей-то собственный человек, который работает не по должности. Возможно, Карна. Возможно, кого-то ещё. Это значит, что нами интересуются как минимум двое разных интересантов. И знают они друг о друге или нет — открытый вопрос.

Тэй смотрел на неё.

— Вы это разложили за полминуты.

— У меня было время, — сказала Крис. — Я с утра представляла себе этот разговор. Не в подробностях, в общих чертах. Я знала, что они придут. Просто не знала, в каком порядке.

— Откуда вы знали?

— Потому что вчера в зале сидел человек, который смотрел на тени на полу. И сегодня в Харне Сэвен. И вчера ещё запросили второй тираж моей книги. Этого достаточно для трёх подряд утренних визитов в среду — простите, в четверг. Я уже путаю дни. Это, видимо, у меня от стресса.

Тэй коротко выдохнул через нос — ближе всего к смеху, что у него вообще получалось.

— Мира, вы...

— Я знаю, какая я.

— Я хотел сказать «удивительная».

— Все так говорят. Главное, чтобы вы не говорили это вслух при свидетелях, — сказала Крис. — Нам обоим лучше будет.

Тэй помолчал.

— Что мне делать?

Крис посмотрела на него. На его собранное лицо, на руку, которая всё ещё слегка подёргивалась на колене.

— Тэй. Послушайте. Вы не обязаны продолжать.

— Что?

— Со мной. С книгой. С мелодиями. Со всем. Если хотите остановиться сейчас — остановитесь. Я не обижусь, я не считаю, что вы кому-то должны. У вас есть лавка, у вас своя жизнь, у меня — своя. Если становится опасно — выйдите.

Тэй смотрел на неё.

— Это всё, что вы пришли сказать?

— Это часть того, что я пришла сказать. Вторая часть — что если вы не выходите, то нам нужно поменять схему. Никаких новых ваших публикаций под моим авторством на ближайшее время. Я перестаю писать на продажу — на месяц, два, столько, сколько нужно. Музыка тоже пока на паузу, по крайней мере публично. Если ко мне придёт Сэвен — а он придёт, — у него должен быть период тишины перед носом. Никаких новых поводов. Только то, что уже разошлось.

— Это сильно сократит ваш доход.

— Я переживу. У меня скромные потребности. Я хочу научиться играть на каягме и иметь мешок медных монет на чёрный день. Мешок я уже накопила — спасибо мелодии про пятьсот вёрст. Каягм подождёт.

Тэй смотрел на неё и не отвечал.

— Тэй. Это разумная стратегия.

— Это разумная стратегия, — согласился он. — И я не хочу останавливаться.

— Я заметила, что у вас рука дёргается.

— У меня рука дёргается с двенадцати лет, — сказал Тэй ровно. — От холода, от усталости, от двух чашек кофе подряд. Это не от страха. Это просто рука.

Крис посмотрела на его руку. Потом снова на него.

— Ясно, — сказала она. — Тогда работаем. Но осторожнее. И я хочу, чтобы вы знали, где я живу. Если что — приходите. Не в виде записки, а сами.

— Это опасно для вас.

— Это уже опасно для меня. Хуже не будет.

Они посмотрели друг на друга.

— Договорились, — сказал Тэй.

Перед уходом Крис задержалась ещё на минуту.

— Тэй.

— Мелодия про вёрсты, — сказала Крис. — Где она сейчас?

Тэй немного подумал.

— Расходится, — сказал он. — Лейн договорился с двумя нотными типографиями — печатают как анонимный сборник «Дорожных песен». Первая партия ушла в Велдт и Карин. Это соседние округа.

Замечательно, подумала Крис. Песня про побег от мужа, замаскированная под пятьсот вёрст ради того, кто ждёт, едет завоёвывать соседние округа в виде анонимного сборника

«Дорожных песен». Шотландцы из её прежнего мира, если бы знали, наверное, гордились бы. Или испугались. Скорее всего, и то и другое.

— Я рада, — сказала она. — Лейну передайте, чтобы новые мои вещи пока не публиковали и не исполняли. Месяц-два. Только то, что уже в обороте.

— Передам.

— Если он будет настаивать — пусть приходит ко мне через Вессу. Я объясню.

— Он поймёт.

— Я знаю. Просто на всякий случай.

Тэй проводил её до двери. Открыл задвижку. Колокольчик звякнул мягко.

— Мира.

— Да.

— Будьте осторожны.

— Буду, — сказала Крис. — Это, оказывается, моя главная профессия в этом мире. Кто бы мог подумать.

На улице было то же утро, что и час назад, только солнце поднялось чуть выше, и тени укоротились. Крис шла обычным шагом, не быстро, не медленно, и думала про двух утренних посетителей.

Первый — это был человек Сэвена. В этом Крис была уверена практически. Адрес в «Серебряном листе», вежливость, столичный выговор, оплата без торга — всё сходилось. Второй был интереснее. Не назвал, не оставил адреса, сказал «меня в Харне найти легко». Это было не запугивание — это была констатация факта. Тот, кого в Харне действительно легко найти, обычно работает на кого-то местного и серьёзного. Карн был кандидатом номер один. Но и не единственным.

Хорошо, подумала Крис. Минимум два игрока. Разной природы. Не координируются. Это даёт пространство — между ними можно проскользнуть, если действовать аккуратно. Это и было планом, насколько у Крис вообще был план.

Она дошла до перекрёстка перед Тихим кварталом.

И тут это случилось.

Не на рынке, не в толпе, не рядом с какой-нибудь чужой Тенью. Просто посреди относительно пустой улицы, у перекрёстка, под тёплым утренним светом — её ударило по «отклику», как тихим длинным звонком.

Не от близкого источника. Откуда-то очень издалека. Не из Харна. Дальше — может, из соседнего города, может, ещё дальше. И это был не фоновый шум чужой Тени, не обычное «отклик» от живого человека рядом. Это было нечто направленное.

Кто-то слушал в её сторону. Конкретно. Намеренно.

И не просто слушал. Что-то было — не слово, не мысль. Нечто, что Крис могла бы перевести в свою голову как «здесь. я здесь». Тихо, ровно, без напора. Как радиосигнал, посланный на определённой частоте, в надежде, что кто-то на этой же частоте слышит.

Она остановилась посреди улицы.

Стояла секунд пять. Может, восемь. Потом сигнал ослаб — не пропал, просто отступил, как будто говоривший понял: услышали. Связь установлена. Дальше не нужно. И в пространстве осталось ощущение, что где-то очень далеко кто-то, кого Крис не знала, существует и теперь знает, что Крис тоже существует.

Это было не неприятно. Это было что-то другое — что-то, для чего у Крис в голове не было готового слова, потому что в её прежнем мире такого опыта попросту не возникало. Ближе всего, наверное, было «когда тебя кто-то заметил в толпе и тихо помахал, не подходя». Только без толпы, без махания и без, собственно, физических людей.

Замечательно, подумала Крис. Я теперь принимаю радиосигналы. Сегодня день открытий. До обеда два посетителя у книготорговца, дальняя радиосвязь с неизвестным абонентом, и не факт, что на этом всё.

Она пошла дальше.

Тень за её спиной шла рядом — Крис чувствовала, не оборачиваясь. И Тень была — Крис не могла бы описать это иначе — заинтересованная. Не возбуждённая, не тревожная. Заинтересованная. Как кошка, которая слышала из-за двери шорох и теперь сидит и слушает, склонив голову.

— Знаю, — сказала Крис тихо, не вслух, просто куда-то в сторону Тени. — Я тоже услышала.

Дома Весса встретила её в прихожей. Лицо у Вессы было привычно нейтральное.

— Господин Дорр прислал записку, — сказала она. — Будет к ужину. Без задержки.

— Понятно.

— Как Тэй?

— Тэй держится. Двое человек приходили сегодня утром. Один официальный, другой нет. Я ему сказала нажать на паузу с моими новыми вещами.

Весса кивнула. Не выдала ни одной лишней эмоции. Это была её обычная манера, и сейчас она была удобной.

— Весса.

— Да.

— Я по дороге кое-что услышала.

Весса посмотрела на неё.

— На «отклике»?

— На «отклике». Не близко. Очень издалека, направленно. Кто-то знает, что я есть, и подал сигнал.

Весса немного помолчала.

— Это, — сказала она, — как раз то, что ваша бабка моей бабке писала. В одной из записей. Когда проводник нащупывает другого проводника на расстоянии.

— Я думала, это бывает редко.

— Это и есть редко, — сказала Весса. — Вы за сутки сделали то, чего хранительницы ждали поколениями.

— Я пела песню про шотландцев, идущих пятьсот миль, — сказала Крис. — Это не я. Это шотландцы.

Весса посмотрела на неё.

— Не знаю, кто такие шотландцы, — сказала она ровно, — и догадываюсь, что лучше не спрашивать. Но вы понимаете, о чём я.

— Понимаю.

— Что будете делать?

Крис подумала.

— Пока — ничего. Пока — слушать.

Весса кивнула и ушла на кухню.

В библиотеке Крис села в кресло у окна и закрыла глаза.

Сигнала больше не было. Только обычный фон — Тени Тихого квартала, ровные, дневные, никаких всплесков. Но Крис теперь знала, что где-то есть точка, с которой её слышат. И это знание уже само по себе меняло картину.

Если есть один — значит, могут быть другие. Если кто-то нашёл её на расстоянии — значит, искали. Значит, кто-то ждал, что появится. Возможно, давно. Возможно, не одно поколение.

Это должно было обнадеживать. И обнадеживало. Местами.

Местами это означало, что Крис только что попала в гораздо более сложную игру, чем думала ещё вчера утром. Не игра одного города и одного Оценщика. Игра, у которой есть карта побольше, и Крис на этой карте — не наблюдатель, а одна из точек, которую теперь могут найти не только из Харна.

Она открыла глаза.

Тень у стены стояла прямо. Угол головы — внимательный.

— Ладно, — сказала Крис тихо. — Принято.

За окном в саду что-то цвело. Дорр должен был вернуться к ужину без задержки. Тэй держался. Лейн придержит мелодии. Сигнал издалека стих.

День, кажется, заканчивался лучше, чем начинался. Это было редкостью, и Крис, как человек, привыкший к худшему, отнеслась к этому с подозрением.

Она открыла книгу по теории музыки и стала читать.

Глава 5. Что это было

Письмо у Крис в этот раз было от Вессы — Дорр ушёл в Надзор раньше, чем Крис проснулась, и подписал стопку чистых писем «на день» накануне вечером, чтобы не задерживать утро. Это было заботливо. Это же было удобно для всех заинтересованных сторон, включая ту, которая собиралась использовать письмо для дискуссии с упрямым музыкантом в книжной лавке.

— Лейн там? — спросила Крис у Вессы, надевая пальто.

— Там, — сказала Весса. — С восьми утра.

— Серьёзно настроен.

— Похоже.

Лейн в книжной лавке Тэя в восемь утра — это означало, что Лейн пришёл с вечера, не спал и накопил в себе достаточно аргументов, чтобы их хватило на длинный разговор. Замечательно, подумала Крис. У одного руки дёргаются от двух чашек кофе подряд, а с другим мы будем спорить на голодный желудок и с невыспавшейся головой. Идеальные условия для конструктивной беседы.

— Весса.

— Да.

— Если меня не будет к двум — не пугайтесь. Это значит, что я выживаю на территории противника.

— Лейн вам не противник.

— Вы Лейна не видели в спорах.

Весса коротко выдохнула — у неё это было максимальное проявление веселья — и закрыла за Крис дверь.

В лавке было тихо.

Тэй сидел за прилавком с книгой, как обычно, но книга была закрыта. Это означало, что Тэй сидит там для вида — на случай покупателей — а на деле наблюдает за тем, что происходит у окна. У окна сидел Лейн, с инструментом, но без интереса к инструменту. Просто сидел, держал его на коленях, и смотрел в окно.

Колокольчик у двери звякнул.

Лейн обернулся. Крис в первый раз увидела у него такое лицо — не просто упрямое, что-то под упрямством. Усталость и азарт одновременно. Такое лицо бывает у людей, которые нашли что-то важное и боятся, что у них это сейчас отнимут.

— Доброе утро, — сказала Крис.

— Сядьте, — сказал Лейн.

— Это не очень любезно.

— Сядьте, пожалуйста.

— Лучше.

Крис села. Тэй очень аккуратно встал, очень аккуратно сказал, что сходит за чем-то в заднюю комнату, и так же аккуратно скрылся за дверью прилавка. Это была классика Тэя. Его не было физически, но он, разумеется, всё слышал. У этой лавки и стены работали как у бумажного стакана — даже если и хочешь не слушать, не получится.

— Тэй передал, — сказал Лейн.

— Я и хотела, чтобы он передал.

— Месяц паузы.

— Минимум. Возможно, два.

— Мира.

— Лейн.

Они посмотрели друг на друга.

Лейн поставил инструмент на пол, осторожно, как кладут что-то живое. Потом повернулся к Крис всем корпусом.

— Я понимаю, почему вы так решили, — сказал он.

— Уже хорошо.

— Не перебивайте, пожалуйста.

— Молчу.

— Я понимаю. Я был там и видел три синхронизации в зале и одну — на финале, когда стало уже четыре. Я видел человека у стены, который смотрел в пол. Я не дурак, Мира. Я знаю, что после такого вечера делать ещё один публичный концерт — это всё равно что кричать в окно жандармерии «придите за мной».

— Тогда мы согласны.

— Мы не согласны.

— Тогда я не понимаю, в чём смысл вашего понимания.

Лейн набрал воздух.

— В том, — сказал он, — что то, что произошло вчера, не повторится в большом зале. Но оно может повториться в маленьком. И я считаю, что оно должно повториться. Не для людей. Для нас с вами. Для тех женщин, которых мы видели.

Крис молчала.

— Послушайте, — сказал Лейн. — Те три женщины. Они вышли из зала и пошли по своим домам. Они не знают друг друга. Они никогда друг друга не найдут. Они даже не знают, что то, что они почувствовали в зале — это что-то общее. Каждая из них думает, что это с ней одной. Что она одна странная, что у неё одной что-то «не так» с Тенью. Это поодиночке невыносимо, Мира. Это сводит с ума. Я знаю, потому что та женщина, про которую я вам рассказывал — её именно так и довели. Не Надзором. Просто одиночеством.

Это было хорошо сформулировано, и Крис это отметила. Лейн умел подать аргумент. У него было хорошее преимущество перед местным мужским населением: он искренне говорил то, что думал, и не умел делать вид, что говорит другое.

— Я слушаю дальше, — сказала Крис.

— Закрытый вечер. Не зал. Чей-то дом, тридцать человек максимум. Только проверенные. Я ручаюсь, Тэй проверяет, вы поёте. Не публично. Не для публики. Для своих. Те три женщины, которых мы видели — они должны быть там. Они должны увидеть друг друга. Они должны понять, что они не одни.

— Лейн, у вас прекрасная речь, — сказала Крис. Я хочу её переложить на бумагу и сохранить в архиве. Но вы сейчас рассуждаете как человек, который видит только свою сторону, и я хочу показать вам мою.

— Я слушаю.

— В Харн приехал специалист из центрального ведомства. Не Карн — выше Карна. Человек, у которого работа — находить такие случаи, как мой. Конкретно — то, что я собой представляю. Завтра, через неделю, через месяц он попросит личной аудиенции с моей Тенью. И когда это случится, у меня должна быть лучшая возможная маскировка. А лучшая возможная маскировка — это полное отсутствие новых поводов для интереса. Ни одной новой песни на улицах. Ни одного концерта, даже закрытого. Ни одного нового шевеления. Месяц тишины — это минимум, чтобы Сэвен начал думать, что ему показалось.

Лейн смотрел на неё.

— Я вас услышал, — сказал он.

— Уже хорошо.

— Но вы не правы.

— Объясните.

— Сэвен из центрального ведомства приехал в Харн не потому, что вы спели одну песню в одном зале, — сказал Лейн. — Сэвен приехал потому, что у вас на улицах насвистывают мелодию, которую вы запустили зимой, а потому что у Тэя расходуется тиражом тысяча штук странная книга, в которой описаны страны, подозрительно похожие на Аррен. Потому что в зале на сто мест синхронизировались женские Тени. Это всё было до того, как Сэвен сел в поезд. Он приехал не на ваш концерт. Он приехал из-за вас.

Крис молчала.

— И, — продолжил Лейн, — это значит, что ваша «маскировка» уже не маскировка. Это просто пауза. Сэвен не уедет, потому что вы перестали петь. Он уедет, когда либо найдёт, что искал, либо ему скажут, что искать не надо. Тишина не работает. Она просто продлевает срок.

Крис закрыла глаза на секунду.

Это был аргумент, на который у неё не было готового ответа. Это было правдой. Она это знала с третьей главы прошлой жизни, когда увидела газету, и с разговора с Дорром, и со вчерашних двух посетителей у Тэя. Она знала это, и тем не менее «нажать на паузу» казалось ей единственным разумным шагом, потому что оно было хоть каким-то шагом.

— Лейн.

— Да.

— Что вы предлагаете конкретно?

— Закрытый вечер. Через десять дней. У Дары — той женщины, что приходила ко мне после первого концерта. У неё муж в отъезде на месяц, дом большой, прислуга проверенная. Тридцать человек. Только женщины, у которых живые Тени, и проверенные мужчины, которые их сопровождают. Никаких посторонних.

— Откуда столько живых Теней наберётся?

— Дара знает несколько. Я знаю двух. Тэй знает одного человека, который знает ещё. Это не толпа. Это сеть. Маленькая, но она есть.

Крис смотрела на него.

— Но вы понимаете, что это рискованно.

— Понимаю.

— И всё равно настаиваете.

— Настаиваю.

— Лейн.

— Да.

— Я согласна.

Лейн на секунду растерялся — видно, готовился к ещё нескольким раундам.

— Но с условиями, — добавила она. — Никаких новых вещей. Только то, что уже было. Это не премьера. Это встреча. И главной буду не я. Главной будет Дара и те три женщины. Я просто помогу им услышать друг друга.

Лейн смотрел на неё.

— Вы умеете формулировать, — сказал он наконец.

— У меня было хорошее образование. В далёкой стране, которой здесь нет.

Это вырвалось. Не специально — просто Лейн прижал её хорошим аргументом, и Крис устала фильтровать каждую фразу. Слова уже висели в воздухе, и забирать их было поздно. Лейн моргнул один раз. И то ли решил не задавать вопроса, то ли отложил его на потом.

Они молчали несколько секунд.

И вот в эти несколько секунд, когда напряжение спора уже спало, и оба сидели и просто переводили дыхание, Тень Крис сделала то, чего никогда раньше не делала.

Она была у стены, как обычно. Крис чувствовала её — фоновым ощущением, привычным, как чувствуют собственное колено, не глядя на него. И это фоновое ощущение качнулось — медленно, мягко, в сторону Лейна. Не к Крис, не вглубь комнаты, не к двери. К нему. И там

— Крис чувствовала это совершенно отчётливо — Тень что-то сделала. Не прикоснулась, нет. Сделала жест в его сторону, как будто положила ладонь, не касаясь. Жест успокоения.

Лейн застыл.

Он сидел к Крис лицом, и его собственная Тень была сбоку от него, на стене. И Лейн смотрел не на Крис — он смотрел на пол справа от себя. Туда, где вчера, в зале, во время третьей песни синхронизировались женские Тени.

Сейчас в лавке был дневной свет, тени лежали на полу обычным образом — от стула, от инструмента, от его фигуры. И между его Тенью и стеной была её. Чуть склонённая в его сторону. С тем самым жестом.

Это длилось секунды три. Может, четыре. Потом её Тень отплыла обратно к стене и встала ровно, как будто ничего и не было.

Лейн поднял взгляд на Крис.

— Что это было? — спросил он.

Крис не ответила сразу.

Она думала, как ответить. Ответ «не знаю» был правдой и в то же время был трусостью. Ответ «это моя Тень» был очевидностью, которую Лейн уже знал. Между ними двумя должно было быть что-то третье — короткое, точное и не закрывающее разговор, потому что разговор очевидно не закончен.

— Она вас услышала, — сказала Крис.

— Меня?

— Вашу Тень.

Лейн смотрел на неё. На её Тень у стены. Снова на неё.

— И это нормально? — спросил он.

— Нет, — сказала Крис. — Это совсем не нормально. Это случается очень редко. И это повторится снова.

Лейн молчал секунд десять.

Потом он сделал то, чего Крис от него не ожидала. Он наклонился чуть вперёд и тихо, совсем без театральности, сказал:

— Расскажите мне.

— Не сейчас, — сказала Крис.

— Когда?

— В следующий раз. Когда мы оба выспимся, поедим и будем способны на длинный разговор. Сегодня — нет. Сегодня я слишком много думала за одно утро.

Лейн кивнул. Он не настаивал. Это была одна из вещей, которые Крис в нём ценила больше всего: он умел знать, когда нужно остановиться.

— Пусть будет так, — сказал он. — Тогда у нас договорённость. Десять дней. Дом Дары. Тридцать человек. И — длинный разговор когда-нибудь.

— Когда-нибудь.

Он встал, подобрал инструмент, и пошёл к двери. У двери остановился.

— Мира.

— Да.

— Я не знаю, кто вы такая. И, по-моему, не очень хочу знать прямо сейчас. Но я хочу, чтобы вы знали — я с вами.

Это было сказано просто. Без обещаний, без клятв, без театра. Лейн умел говорить такие вещи коротко.

— Спасибо, — сказала Крис.

Он вышел. Колокольчик мягко звякнул.

Тэй вышел из задней комнаты примерно через минуту.

— Всё слышали? — спросила Крис.

— Всё.

— И что думаете?

Тэй сел напротив неё.

— Я думаю, — сказал он, — что Лейн прав в том, что пауза не уведёт от вас Сэвена. И я думаю, что вы правы в том, что пауза даст вам несколько дополнительных дней. И ещё я думаю, что закрытый вечер у Дары — это разумный компромисс.

— Спасибо. Очень полезный отзыв.

— Я ещё не закончил.

— Простите.

— И вот еще что... — сказал Тэй ровно, — то, что сделала ваша Тень с Лейном, — это уже не «случайный контакт при близком расстоянии», как написано на странице сорок семь. Это уже инициированный контакт. Это ещё одна стадия. И вам нужно это понимать, Мира. Это происходит слишком быстро.

— Я знаю.

— Хорошо.

Они посидели секунду молча.

— Тэй.

— Да.

— Та женщина из вчерашнего «отклика». Издалека.

— Что с ней?

— Я думаю, она тоже знает.

Тэй посмотрел на неё.

— Знает что?

— Что всё идёт быстро. Что у неё есть собеседница, у которой это уже началось. И поэтому она вышла на связь сразу, не выжидая. Ей самой нужно с кем-то поговорить.

Тэй обдумал это.

— Может быть, — сказал он. — Логично.

— Тэй.

— Да.

— Если вдруг что-нибудь от неё придёт — дайте сразу мне знать. Через записку, человека, через что угодно. Я хочу с ней поговорить.

— Договорились.

Крис встала, поправила пальто.

— Мира.

— Да.

— У вас правда было хорошее образование?

Крис посмотрела на него.

— Да. Очень хорошее.

— Я так и думал.

Она вышла на улицу. Колокольчик звякнул в третий раз за утро, и в мягком звуке было что-то почти праздничное. Крис мысленно отметила, что у неё бы получился неплохой бюрократический отчёт по сегодняшнему утру. Раздел первый: переговоры с упрямым музыкантом, исход — компромисс. Раздел второй: незапланированное проявление Тени, исход — третий человек в курсе. Раздел третий: косвенное признание о происхождении, исход — отложено на «когда-нибудь».

Когда-нибудь, подумала Крис, у меня будет много объяснений с разными людьми. Хорошо, что я не лимитирована во времени, как местные охраняемые лица в публичных разговорах.

Дома Дорра ещё не было. Весса была на кухне.

— Жива, — сказала Крис, заходя.

— Я вижу.

— Договорились на закрытый вечер. Через десять дней. У Дары.

Весса не сразу ответила.

— Это не пауза, — сказала она.

— Не пауза. Но не публичный концерт.

— Вы понимаете риски.

— Понимаю. Лейн их понимает. Тэй их понимает. Дара, я надеюсь, тоже.

Весса кивнула и снова вернулась к овощам.

— Весса.

— Да.

— Моя Тень сегодня сделала жест в сторону другого человека. Не в зале. Здесь. В лавке.

К Лейну.

Весса остановила нож. Подняла взгляд.

— Она его коснулась?

— Не коснулась. Но была близко. Сделала жест успокоения. После того, как мы с ним договорились.

Весса смотрела на неё.

— Мира.

— Да.

— Вы понимаете, что это значит.

— Я думаю, да.

— Это значит, что она начала действовать сама.

— Знаю.

— Это идёт быстрее, чем у бабки описано.

— Я знаю, Весса.

Они посмотрели друг на друга.

— Ну вот и ладно, — сказала Весса. — Тогда поедим. На голодный желудок об этом думать нельзя.

И это было самое разумное, что Крис слышала за всё утро.

Глава 6. Дом музыканта

Лейн жил в двух кварталах от лавки Тэя, на четвёртом этаже узкого дома с чугунной лестницей снаружи. Крис нашла дверь не сразу — в Аррене номеров домов на двери не вешали, считалось, что человек, который должен прийти, и так знает, куда идёт. Это было экономично, но затрудняло жизнь приезжим попаданкам, которые дорогу к музыканту знали со слов Тэя и знали в лицо Лейна, но никак не в лицо его дома.

В итоге дом она опознала по инструменту, висящему в окне третьего этажа. Не лейновский, чей-то ещё, но это был хороший знак — в доме музыкантов жили музыканты. Демократия по интересам.

Лейн открыл сразу. Видимо, ждал.

— Без сопровождения? — сказал он.

— Сегодня без. Письмо у меня к Тэю, и формально я там. Тэй прикроет, если кто проверит.

— А если проверит Дорр?

— Дорр в Надзоре. У него Сэвен. Им сегодня не до меня.

Лейн посмотрел на неё со странным выражением.

— Вы ходите по очень тонкому льду, Мира.

— Я хожу по толстому льду, Лейн. Просто этот лёд несётся по реке, и под ним на дне есть рыба, которая интересуется, кто там сверху топчется. Войти-то можно?

Он посторонился.

Квартира была с одной комнатой, кухней-углом и окном во двор.

Чисто, в той аккуратной нищете, которая бывает у людей, у которых вещей мало, но каждая на своём месте. У окна — стол, на столе — рукописи, разложенные не как у Дорра по стопкам, а россыпью, как у людей, которые работают сразу со всем. На стене три инструмента. В углу — кровать, заправленная одним движением. На подоконнике — горшок с чем-то полувзросшим, что Лейн, видимо, недавно начал поливать заново и опоздал.

Антропологическое наблюдение, подумала Крис. Холостые музыканты в любом мире одинаковы. Растения у них умирают раньше всех остальных живых существ, потому что растения не звучат и не жалуются.

— Чай? — сказал Лейн.

— Спасибо, нет. У меня час.

— Тогда садитесь.

Она села к столу. Лейн остался стоять — прошёлся к окну и обратно. Думал на ходу, как Тэй. Музыкантская порода.

— Лейн.

— Да.

— Вы вчера сказали — расскажите мне. Про Тень. Я обещала, что в следующий раз. Это и есть следующий раз.

Он остановился.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодарите. Я пришла не из щедрости, я пришла, потому что мне нужно, чтобы вы понимали то, во что вы влезли. Если вы не понимаете, вы делаете ошибки. Если вы делаете ошибки, вы попадаете в Дом коррекции. Если вы попадаете в Дом коррекции, у меня становится на одного союзника меньше. Я экономлю союзников.

Лейн коротко выдохнул через нос.

— Это самое неромантическое вступление к доверительному разговору, которое я слышал.

— Я работаю в этом жанре впервые. Не судите строго.

Он сел напротив.

— Ладно, — сказал он. — Что мне нужно знать.

Крис набрала воздух.

Она думала об этом разговоре всё утро. Она знала, что нельзя сказать всё. Нельзя сказать про другой мир. Нельзя сказать про мазерати на пешеходном переходе. Нельзя сказать про Хель и про выбор между средневековым охотником и Аррентом. И нельзя сказать про записи Вессы, про Расплавление, про сеть хранилищ. Это не её, чтобы выдавать.

Можно сказать про Тень. Только про Тень. И только своими словами.

— У меня необычная Тень, — сказала она. — В Аррене это называется — отклонение. Серьёзное отклонение. Если бы Дорр доложил Карну после первой аттестации, я бы уже была в Доме коррекции. Он не доложил.

Лейн смотрел на неё.

— Почему не доложил?

— Это его дело, а не моё. Спросите его.

— Не спрошу.

— Правильно.

Она продолжила.

— Моя Тень действует частично сама. Иногда выходит из комнаты или трогает меня. Иногда смотрит на других людей и слышит их Тени. Не людей — Тени. Она это умеет, а большинство Теней — не умеют, потому что их давят с детства таблетками и аттестациями. Мою — не давили. И поэтому она такая.

— Почему вашу не давили?

— Потому что в больнице мне выдавали таблетки, а я их выливала в раковину.

Лейн моргнул.

— Все?

— Все.

— Это очень... — он поискал слово, — самоуверенно.

— У меня была причина считать, что без таблеток я выживу с большей вероятностью, чем с ними. Не спрашивайте какая.

— Понятно.

Лейн помолчал. Потом спросил:

— Что она сделала с моей Тенью вчера?

— Она с вашей Тенью ничего не делала. Она сделала жест в её сторону. Это разные вещи. Касания не было. Но она тянулась — как тянутся, когда хотят утешить. Не вас. Вашу Тень.

— Зачем?

— Потому что ваша Тень была взволнована. Спор с вами накалялся, и Тень это удерживала. Когда мы договорились, я успокоилась — а вы нет. Вы уже не спорили, но внутри вас не отпустило. Ваша Тень это показывала. Моя её услышала и сделала жест.

Лейн смотрел на неё.

— Я об этом ничего не знал, — сказал он. — Что Тень показывает, что ты не успокоился, даже когда внешне ты вроде успокоился.

— Это потому что у вас живая Тень, Лейн.

Он посмотрел на свою — на стене, в дневном свете, привычную, обыкновенную с виду.

— У меня?

— У вас. Не как у тех женщин в зале. Тише, мужская — её не давили, потому что мужские не давят так, как женские. Но она у вас не зажата. Это нечасто среди мужчин в Аррене. Большинство своих Теней не чувствуют вообще, потому что внутри всё тоже зажато. Музыка вас расковала. Поэтому я могу с вами через музыку работать. Поэтому моя Тень вас услышала.

Лейн долго молчал.

Потом сказал — тихо:

— Та женщина, про которую я вам рассказывал.

— Да.

— Я познакомился с ней восемь лет назад. Я тогда был ещё студент, ездил летом в Велдт играть на свадьбах, у меня была своя маленькая группа. На одной свадьбе была она. Жена брата невесты. Лет тридцать ей было. Тихая. Никто на неё особо не смотрел.

— А вы посмотрели.

— Я посмотрел, потому что когда мы играли третий танец — медленный — у неё Тень качнулась к моей. Так же, как ваша вчера. Не коснулась. Просто склонилась. Я тогда не понял, что это. Я подумал, что я устал и мне померещилось.

— Что было дальше?

— Мы разговорились. Не на свадьбе — потом, через знакомых. Я несколько раз ездил в Велдт играть, заходил в её дом, когда мужа не было. — Он остановился. — Я не был её любовником, Мира. Не подумайте. Мы говорили. Просто говорили. Она читала много, она была умная и в Велдте ей не с кем было поговорить. А я тогда был молодой, мне всё было интересно. Я слушал, а она говорила.

— Сколько это длилось?

— Полгода.

— И?

Лейн смотрел в стол.

— И в один приезд её не было. Дома была только её мать. Сказала, что дочь «уехала на лечение». Не сказала куда. Я тогда уже понял, что это значит. Даже без ваших объяснений.

— Дом коррекции.

— Да.

— Кто донёс?

— Не знаю. Может, муж заметил, что она читает. Может, соседи, что я хожу. Может, просто плановая аттестация показала, что у неё Тень не такая тихая, как записано в карте. Я никогда этого не узнаю.

Лейн поднял взгляд. Глаза у него были злые. Не на Крис, а куда-то в сторону окна, в Велдт из своего прошлого.

— Я обещал себе, — сказал он, — что если когда-нибудь увижу такую Тень снова — не пройду мимо. Восемь лет смотрел и не видел. И вот сидит передо мной женщина, у которой не только такая Тень, но она умеет и чужие такие будить. Я не пройду мимо во второй раз, Мира. Это, если хотите, мой личный счёт.

Крис молчала.

Это было хорошо сказано. Это, на самом деле, было лучше, чем «я с вами», которое он сказал вчера. Вчера было обещание. Сегодня было основание для обещания.

— Лейн.

— Да.

— Спасибо.

— Не благодарите.

Они посидели молча. Очень коротко — потому что Крис посмотрела на маленькие часы на полке и поняла, что час почти истёк.

— Мне пора, — сказала она.

— Я провожу.

— Не надо. Меня видели входящей одной — пусть видят и выходящей одной. Если вы пойдёте за мной, то это привлечёт лишнее внимание.

Он кивнул.

У двери она обернулась.

— Лейн.

— Да.

— Один вопрос. Та женщина в Велдте. Как её звали?

Он чуть помедлил.

— Тейра, — сказал он. — Тейра Кант.

— Я запомню.

— Зачем?

— Может быть, я когда-нибудь смогу узнать, что с ней случилось.

Лейн смотрел на неё.

— Вы серьёзно?

— Лейн. Я серьёзно вообще про всё. Это, может быть, главная моя проблема в этом мире.

Она вышла.

На лестнице — той самой, чугунной, снаружи — было прохладно и пахло железом и старой краской. Крис спустилась медленно, считая ступеньки, потому что считать ступеньки было одной из самых мирных вещей, которые можно делать после такого разговора.

На предпоследнем пролёте её ударило по «отклику».

Снова. Издалека, направленно, конкретно. Как вчера у перекрёстка — но в этот раз сильнее, потому что Крис уже знала, что это, и не дёргалась, а слушала.

И в этот раз сигнал был не «здесь» или «я здесь».

В этот раз был образ.

Крис остановилась на ступеньке и прижала ладонь к холодной железной стене.

Образ был коротким — может, секунду, может, две. Город. Не Харн. Узкие высокие дома, плотно стоящие. Между домами — вода. Канал. Каменный мост через канал, низкий, с одной аркой. На мосту фонарь — старый, кованый, с тремя стеклянными гранями. Время — вечер, фонарь зажжён.

И всё.

Сигнал отступил. Образ ушёл, как уходит сон, оставив только общее ощущение, что он был.

Крис стояла на лестнице и думала.

В Аррене было несколько городов с каналами. Велдт — один из них. В Велдте, как Лейн только что сказал, восемь лет назад жила женщина по имени Тейра Кант. Которую отвезли «на лечение» и о дальнейшей судьбе которой никто не знал точно.

Это, конечно, могло быть совпадением. Совпадения существуют.

Просто у Крис было, видимо, аллергия на совпадения с тех пор, как её сбила машина на пешеходном переходе. С тех пор каждое совпадение почему-то оказывалось не совпадением.

Она спустилась оставшиеся ступеньки и вышла во двор.

К Тэю она зашла на пять минут — формально получить «купленную книгу», которая у Тэя для неё лежала на этот случай. Тэй посмотрел на её лицо.

— Что-то случилось?

— Пока не знаю, — сказала Крис. — У вас есть карты Аррена?

— Какого года?

— Современные. С городами.

Он покопался под прилавком и достал атлас — небольшой, потрёпанный.

— Что ищете?

— Города с каналами.

Тэй посмотрел на неё.

— У нас их три, — сказал он. — Велдт, Карин и Серая Гавань. Какой нужен?

Крис открыла атлас на Велдте.

В Велдте каналов было два, оба показаны схематично. Из карты ничего понять нельзя было — фонарей там не подписывали. Она перелистнула на Карин — там тоже каналы, но один. На Серую Гавань — там целая сеть, прямо по морю.

Она вернулась к Велдту.

— Тэй, — сказала она. — Если бы я хотела знать, какой в Велдте мост через канал — кованный фонарь, три стеклянные грани, низкая арка — кого спросить?

Тэй посмотрел на неё долго.

— Тейру, — сказал он наконец, — описание моста-то она бы знала. Если бы Тейра была.

— Откуда вы знаете про Тейру?

— Лейн рассказывал когда-то. Давно. Он не часто рассказывает. Но один раз рассказал.

— Понятно.

Крис закрыла атлас.

— Спасибо, Тэй.

— Мира.

— Да.

— Что вы видели?

— Образ, — сказала Крис. — На «отклике». Город, канал, мост, фонарь. Не Харн.

Тэй стоял за прилавком очень неподвижно.

— Мира.

— Да.

— Если вам ещё пришлют образ — скажите мне. У меня в запасниках есть путеводители по разным городам. Старые, с картинками. Может, что-то найдём.

— Ладно.

Она вышла.

Дорр был уже дома.

Это было неожиданно — обычно в это время он ещё в Надзоре. Крис увидела его пальто в прихожей раньше, чем услышала его шаги, и успела сделать лицо «всё в порядке» прежде, чем он вышел из гостиной.

— Вы сегодня рано, — сказала она.

— Да, — сказал Дорр. — Сэвен сегодня в архиве. Я там не нужен.

— Понятно.

Он смотрел на неё. Спокойно, ровно — как смотрел всегда, и в то же время чуть иначе, чем вчера. У Крис не было времени разбираться — что иначе.

— Мира.

— Да.

— Тэй сегодня не один?

Это был не вопрос. Это была проверка.

Замечательно, подумала Крис. Оценщик пришёл домой раньше времени и интересуется, кого я видела сегодня в книжной лавке. Это либо Сэвен ему что-то сказал, либо Дорр сам решил начать аккуратно проверять. Либо третий вариант, который мне сейчас в голову не приходит, а должен был бы.

— Заходил Лейн, — сказала Крис. — Музыкант, с которым я работаю. Обсуждали, что у меня будет небольшая пауза с публичными выступлениями.

— Пауза.

— Да. Я решила некоторое время не петь публично.

Она посмотрела ему в лицо. Не в воротник. В лицо.

Дорр чуть склонил голову.

— Это разумное решение, — сказал он.

— Я надеялась, что вы оцените.

— Я оцениваю.

Он развернулся и ушёл в кабинет.

Крис стояла в прихожей и смотрела ему в спину.

«Тэй сегодня не один?» Не «вы заходили к Тэю?», не «как прошёл визит?». Прямой вопрос про конкретное обстоятельство. Это значит, кто-то ему сказал, что Лейн был у Тэя или в окрестностях. Сэвен? Карн? Кто-то из тех двух утренних посетителей вчерашнего дня?

Это было плохо. Это, в общем-то, было ожидаемо. Но раньше, чем Крис рассчитывала.

Она поднялась к себе и легла прямо в платье на кровать, потому что есть моменты, когда нет смысла бороться с действительностью, и лучше провести с ней пять минут лёжа, чем час стоя.

Тень у стены стояла прямо. Угол головы — внимательный.

— Знаю, — сказала Крис в потолок. — У нас новая стадия.

В голове у неё стоял кованный фонарь с тремя гранями. На каменном мосту. В городе, где, возможно, восемь лет назад жила женщина по имени Тейра Кант, которая «уехала на лечение».

И где-то — Крис теперь была почти уверена — эта же женщина или другая такая же сейчас сидела и слушала «отклик», ждала ответа.

Крис закрыла глаза.

Завтра, подумала она. Завтра попробую ответить.

Глава 7. Гость

Платье Весса гладила на кухне, на широкой доске у окна, и каждое движение утюга по ткани сопровождалось коротким шипением — мелким, методичным, словно кто-то очень терпеливый отчитывал кого-то очень неважного.

— Тёмное и закрытое, — сказала Весса.

— Я слышала, Весса.

— Тёмное.

— Я заметила, что вы это уже говорили.

— И ещё раз скажу. Сегодня мы обходимся без экспериментов с цветом.

Замечательно, подумала Крис. У меня сегодня ужин с человеком, который умеет читать Тени лучше Дорра, а главная задача дня — выглядеть в платье цвета спелой сливы или цвета сливы, которая ещё думает спеть. Расширение жизненных горизонтов идёт по плану.

— Весса.

— Да.

— Если что-нибудь пойдёт не так.

— Не говорите этого вслух.

— Я хочу сказать. Если что-нибудь пойдёт не так — Тэй знает, где меня искать. Лейн знает, где Тэй. Нара знает про Лейна. Это вся цепочка.

Весса не ответила. Утюг шипнул один раз, длинно. Потом она поставила его на подставку, аккуратно, как будто это была не утюг, а маленький зверь, который мог укусить.

— Мира.

— Да.

— Сегодня вы охраняемое лицо в благополучном доме на ужине с коллегой мужа. Это всё. Ничего больше. Если вы будете кем-то ещё — он это увидит за десять минут.

— Знаю.

— Вы — лицо, которому сегодня вечером нечего сказать, — продолжила Весса. — Кивать. Улыбаться. Отвечать на прямые вопросы коротко. Не задавать своих. Не поправлять никого, даже если он скажет, что Конкордату двадцать лет, а не восемнадцать.

— Это же мой любимый трюк.

— Сегодня — не любимый. Сегодня вы его не помните.

— Весса, я пошутила, я всё поняла.

Весса посмотрела на неё через плечо.

— И ещё.

— Что.

— Не смотрите ему в лицо. Я знаю, что вы научились. Сегодня — забудьте. Воротник, пуговица, рукав. И всё. На него не смотрят, на него не падает свет.

— Поэтично, Весса.

— Это бабка говорила. Она его не видела никогда, но вообще.

— Бабка ваша знала, как не смотреть на таких, как Сэвен?

— Бабка моя знала, как не смотреть на тех, кто умеет смотреть. В каждом поколении есть такие.

Сэвен приехал ровно в семь.

Дорр привёз его в своей машине — Крис увидела с лестницы, как шофёр открыл заднюю дверцу, потом Нэй открыла дверь дома, и в прихожую вошли двое. Сэвен был ниже Дорра на полголовы. Это было первое, что отметила Крис, и это почему-то её слегка успокоило. У Карна рост был частью его присутствия. У Сэвена рост, видимо, не имел значения.

Костюм у него был серый, очень хорошего покроя, не яркий и не скромный. Воротник застёгнут. Никаких знаков отличия — гость идёт на частный ужин, не на службу. Подавателя у него на поясе или на цепочке часов не было. Это Крис тоже отметила — у Дорра, когда он возвращался со службы, подаватель всегда лежал отдельной тяжестью в правом кармане пиджака, и Крис уже научилась видеть этот лёгкий перекося ткани. У Сэвена пиджак висел ровно. Гость на дружеский ужин подавателя не носит. Это, может быть, было самое успокаивающее наблюдение за весь вечер. И, возможно, самое поверхностное. Лицо обычное, такое забываешь через минуту, и Крис мгновенно вспомнила того человека у стены на концерте, и подумала — нет, не он, лет десять разницы, и в плечах другой. Не тот же. Просто из той же породы.

Specimen Methodicus, подумала Крис, спускаясь. Особые приметы: лицо, которое не запоминается. Полезный признак для специалиста по тем, кого ищут.

— Мира, — сказал Дорр. Ровно, как всегда.

— Господин мой.

— Это Блюститель Сэвен, из центрального ведомства.

Крис кивнула в сторону Сэвена, не поднимая взгляда выше его воротничка. Воротничок был белый, накрахмаленный, с маленькой запонкой в форме листа.

— Очень рад, — сказал Сэвен.

Голос у него был тихий. Не слабый — именно тихий, как будто он давно усвоил, что повышать голос ему не нужно, потому что слышат и так. Это, в общем-то, и было главным.

— Я тоже рада, — сказала Крис.

Замечательно, подумала она. Первый раз за всю свою аррентскую жизнь честно сказала, что рада чему-то, и это была встреча с человеком, который теоретически может отправить меня в Дом коррекции до конца недели. У вас прекрасное чувство юмора, Кристина.

— Прошу к столу, — сказал Дорр.

Сэвен сел напротив Крис, по правую руку от Дорра. Это была стандартная посадка для гостя. Это же давало Сэвену прямую линию обзора на Крис в течение всего ужина.

Нэй подавала бесшумно. Она сегодня была особенно бесшумной — вошла, поставила, вышла, не подняв взгляда, как будто кто-то заранее объяснил ей, что в этот вечер лишняя видимость никому не нужна. Скорее всего, никто не объяснял. Просто Нэй, как всегда, сама понимала.

Первые минут десять разговор шёл между двумя мужчинами — про службу, про какое-то решение центра, про какого-то третьего, которого Крис не знала. Стандартный мужской разговор за ужином. Крис ела медленно и слушала.

Сэвен говорил мало. Он был из тех, кто задаёт короткий вопрос, выслушивает длинный ответ, потом задаёт ещё один короткий вопрос. Это была хорошая профессиональная техника. Карн любил говорить сам. Сэвен любил, чтобы говорили ему.

На пятнадцатой минуте он повернулся к Крис.

— Госпожа Дорр.

Крис подняла взгляд до его пуговицы. До второй сверху.

— Слушаю вас.

— Меня предупредили, что у вас была травма. Полгода назад, кажется?

— Да, ваша милость.

— Восстановились?

— Да, благодарю.

— Память?

— Восстановилась частично. Много не вернулось.

— Это часто случается, — сказал Сэвен. — Не беспокойтесь. — Он чуть наклонил голову. — Я слышал, что вы интересуетесь литературой.

Крис на долю секунды задержала вилку.

Это было аккуратно. Очень аккуратно. Не «вы пишете», не «вы читаете» или не «у вас есть книги». «Интересуетесь литературой» — нейтральная формулировка, на которую можно ответить десятью разными способами.

— Да, — сказала она. — Читаю.

— Что-то особенное?

— Историю, в основном. Иногда теорию музыки.

— Любопытно. — Он чуть помолчал. — Среди моих коллег в центре сейчас ходит одна анонимная книжица. «Заметки путешественника в неизвестных краях». Не слышали?

Крис почувствовала, как Дорр напротив сделался на доли секунды очень неподвижным. Он не показал этого лицом, но Крис, которая видела Дорра каждый день уже несколько месяцев, заметила. Сэвен, который видел Дорра первый раз, видимо, тоже заметил.

— Не слышала, — сказала Крис.

— Жаль. Любопытная вещица. Автор не указан, что само по себе редко, и сюжет странный — путешественник по вымышленным странам. В одной стране, например, граждане голосуют овцами. В другой никто не имеет права знать собственное имя. — Сэвен улыбнулся одними уголками рта. — Очень смешно. И очень неудобно, в хорошем смысле слова.

— Это редкое сочетание, — сказала Крис.

— Редкое. Я подумал, что вам могло бы понравиться.

— Возможно.

— Я могу прислать экземпляр.

— Это очень любезно с вашей стороны, ваша милость. Не стоит беспокоиться, я постараюсь найти сама.

— Как пожелаете.

Замечательно, подумала Крис. У меня в голове только что прозвучали три отдельные сирены, и я с ними поговорила вежливо, в тонах хорошо воспитанного охраняемого лица. Если он сейчас спросит про мелодию про вёрсты, я наверное, не выдержу и съем салфетку.

Сэвен не спросил про мелодию.

Он повернулся к Дорру и плавно перевёл разговор на что-то рабочее. Крис снова стала есть.

И вот тогда она почувствовала.

Не по «отклику» — Сэвен по «отклику» не звучал, у него собственная Тень была плотно закрыта, как у всех мужчин с тренировкой. Просто физически — взгляд, скользнувший по полу с её стороны.

Тень.

Крис не повернула головы. Она знала, где её Тень — за спиной, на стене, спокойная, как договаривались. «Тишина» работала, Крис её держала весь ужин, не отпуская ни на секунду. Тень повторяла её движения, и больше ничего не делала.

Сэвен посмотрел на неё ещё раз. Чуть дольше.

И ещё раз. Через минуту.

И в третий раз — почти в самом конце ужина, когда Нэй убирала тарелки. В третий раз он смотрел секунды две.

Крис продолжала есть.

Кофе подавали в гостиной, в маленьких чашках. Сэвен взял свою, поднял и сделал глоток с тем видом, с каким человек оценивает не кофе, а тот факт, что ему его подали.

— Дорр, у вас прекрасный дом, — сказал он.

— Спасибо.

— И прекрасная супруга.

— Благодарю, ваша милость, — сказала Крис.

— Я слышал, госпожа Дорр, — сказал Сэвен, ставя чашку, — что у вас живой ум. Мне это сказал Карн. Он, признаться, был удивлён.

— Я немного начитанна.

— Это полезное качество, если оно используется правильно, — сказал Сэвен. — И опасное, если нет.

— Я понимаю, ваша милость.

— Я знаю, что вы понимаете.

Это было сказано тихо. Совершенно вежливо. И от этого «я знаю, что вы понимаете» у Крис на секунду внутри похолодело. Не словами — самым тоном. Сэвен сообщал ей, что он её прочитал. Что её «понимаю» — это её понимаю, а не охраняемого лица. И что он это видит.

Потом он повернулся к Дорру и продолжил разговор о службе, как будто ничего не произошло.

Уходил он в десять.

Дорр проводил его в прихожую. Крис, которая стояла у двери гостиной — формально, чтобы попрощаться, фактически, чтобы слышать, — слышала, как Сэвен надевает пальто, как Нэй подаёт ему трость, как они с Дорром коротко обмениваются прощальными любезностями.

И потом, в самой прихожей, тихо, вполголоса:

— Дорр.

— Да, ваша милость.

— Интересный случай.

— Какой именно?

— Госпожа Дорр.

— У неё всё в пределах допустимого. Все аттестации.

— Я знаю. Я читал. — Очень короткая пауза. — Тем не менее. Я хотел бы провести аттестацию в ближайшее время. Не срочно. Скажем, в течение десяти дней.

— Я подготовлю документы.

— Спасибо. И, Дорр.

— Да.

— Не торопитесь. У нас впереди ещё много работы. Я не уеду, пока всё не пойму.

— Я это учту.

Дверь открылась. Закрылась. Шаги Сэвена удалились до машины — Крис слышала по звуку. Двигатель завёлся, машина тронулась. Звук удалился по улице. Крис уже была в гостиной, куда успела вернуться, как только дверь скрипнула.

Дорр зашёл через минуту. Снял пиджак, повесил на спинку стула. Посмотрел на неё.

— Слышала?

— Слышала.

— Десять дней.

— Маловато.

Они смотрели друг на друга. У Крис в голове очень спокойно, очень ровно работала простая арифметика: десять дней. Через десять дней — закрытый вечер у Дары. Через десять дней — аттестация Сэвена. Это, скорее всего, не одна и та же дата, но они стояли так близко друг к другу на временной оси, что разница уже не имела значения.

— Дорр.

— Да.

— Он сказал «не торопитесь». Это что значит?

— Это значит, — сказал Дорр, — что он намерен наблюдать. Он не придет с аттестацией завтра. Он будет ходить по городу, смотреть, слушать, читать книги, встречать людей. И через десять дней придет уже зная, что именно он хочет увидеть.

— Это хуже, чем сразу.

— Намного.

Они молчали.

— Книгу он прочитал, — сказала Крис.

— Прочитал.

— И?

Дорр посмотрел на неё ровно.

— И ничего пока не сказал. Это значит, что он или ещё думает, или ждёт, пока ты сама себя выдашь. И то и другое плохо.

— Спасибо, что не сказал «я тебя предупреждал».

— Я тебя не предупреждал, — сказал Дорр. — Я узнал про книгу час назад от него.

Крис посмотрела на него.

В лице у Дорра ничего не дрогнуло. Но это «час назад от него» он сказал ровным голосом, без обвинения. Просто сообщил факт, на который ему пришлось отреагировать в течение часа в присутствии Сэвена и не подать виду.

— Дорр.

— Я не сержусь, Мира. Я просто очень устал.

Это, на местном языке Дорра, было очень близко к сильному эмоциональному заявлению.

— Спасибо, — сказала Крис тихо.

— За что.

— За то, что не выдал.

Он смотрел на неё.

— Иди спать, — сказал он.

— Дорр.

— Что.

— Я хочу сказать одну вещь. Не сейчас. Потом. Когда у нас будет время.

— Я знаю.

— Знаете?

— Не точно, что именно. В общем — знаю.

— Хорошо.

Он повернулся и ушёл в кабинет.

Крис поднялась к себе.

Тень у стены стояла прямо. За весь ужин она не сделала ни одного лишнего движения — Крис держала её, как держат руль в гололёд, и Тень это выдержала. Сейчас, оставшись наедине, Крис её отпустила. Тень качнулась один раз, мягко, как человек, который наконец сел после долгого стояния.

— Молодец, — сказала Крис.

Она села на кровать в платье цвета сливы, которая ещё думает спеть, и долго смотрела в одну точку.

В голове у неё стояло «не уеду, пока всё не пойму».

Это было не хорошо. Это было не плохо. Это была констатация факта от человека, которому, в общем, можно было верить, потому что он не из тех, кто говорит впустую. Сэвен приехал на неё, и не уедет, пока на ней не закроет дело. Лейн был прав три дня назад. Тишина не работала. Тишина просто продлевала срок.

Значит, надо было решать не «как тише», а «как успеть».

Успеть до десяти дней — что-то. Что — Крис ещё не знала.

Тень у стены подошла и остановилась рядом. Просто рядом.

— Знаю, — сказала Крис. — Дай подумать.

Десять дней — это был не приговор. Это был дедлайн. Дедлайны Крис в своей прежней жизни умела работать.

Она встала и пошла переодеваться.

Глава 8. Тишина внутри

Письмо у Крис на этот раз было «прогулка по окраине, сопровождающее лицо имеется» — то есть Весса должна была идти с ней. Дорр подписал в три строчки и пошёл в Надзор. После ужина с Сэвеном он стал писать письма ещё быстрее, чем раньше, и Крис подозревала, что это форма безмолвного «иди делай, что хочешь, у меня тут и своих проблем хватает».

Он подписал письмо, положил перо и сделал ещё одну вещь, которую делал каждое утро уже два года, и которую Крис увидела первый раз только что. Открыл верхний ящик стола. Достал подавитель — небольшой, размером с карманные часы, тёмный металл. Подержал его в ладони секунду, как держат то, что не хочется брать. Положил в правый карман пиджака. Всё.

— Всегда носите его с собой? — спросила Крис, не подумав.

Дорр поднял взгляд. Не удивлённо. Просто — посмотрел.

— Всегда, — сказал он.

— С самого начала службы?

— С первого дня.

Он не объяснил, что именно держал. Не объяснял Крис никогда. И ни разу за двенадцать лет работы — никому, в том числе Вессе. Это было его частное молчание, и она впервые увидела, во что оно упаковано физически.

— Дома вы его не активируете, — сказала Крис. Просто проверила, что её догадка верна.

— Дома это ни к чему.

Он дошел до двери, остановился, поправил пиджак — правый карман от этого еле заметно качнулся — и вышел.

Учитывая, что собиралась она к старушке, которая всю жизнь обходила Конкордат стороной и сейчас собиралась учить Крис, как обходить его дальше — формулировка «прогулка по окраине» была не ложью. Это была сильно сокращённая правда.

Окраина утром выглядела сонно. Маленькие улицы, низкие заборы, пыль из-под колёс редких повозок. Весса шла рядом, держала спину прямо, и вид у неё был такой, словно они идут не к старой проводнице с неподавленной Тенью, а в гости к неинтересной двоюродной тётке за чаем с сухарями.

— Весса.

— Да.

— У вас есть какой-нибудь план, как объяснить мою фигуру в её саду, если кто-то спросит?

— Никто не спросит.

— А если спросит.

— Скажу, что вы захотели купить семена. У Нары хорошие семена. Это все знают.

— Я первый раз слышу, что у Нары хорошие семена.

— Потому что вы охраняемое лицо, а охраняемые лица не интересуются семенами на окраине, — ровно сказала Весса. — Спросите завтра у любой женщины в Тихом квартале, у кого хорошие семена — она скажет: у Нары. Это работает уже сорок лет. Замечательное прикрытие.

Замечательное прикрытие, отметила Крис мысленно. Сорокалетней давности. С плановой посевной. У нас тут целая разведывательная сеть, маскирующаяся под огородный кооператив. Я в восторге.

Нара открыла, не дожидаясь стука. Видимо, услышала шаги.

— Заходите, — сказала она. — Чай уже стоит.

Чай действительно стоял — на маленьком столе у окна, в простом фарфоровом чайнике, с тремя чашками. Третья — для Вессы, которая в этот раз села с ними, не уйдя на кухню. Это было новое. В прошлый раз Весса держала вид «я просто сопровождаю», сейчас — «я тут на правах своих, и вы меня уже видели».

— Мира, — сказала Нара, разливая чай. — Времени мало?

— Десять дней. Может, меньше.

— Сэвен?

— Он самый.

Нара поставила чайник. Посмотрела на Крис очень спокойно, своими очень живыми глазами, и Крис в очередной раз подумала, что Нара — это какой-то особый сорт человека, у которого годы прибавили остроты, а не убавили.

— Ваша «тишина» против Сэвена не сработает, — сказала Нара.

— Так я и предполагала.

— Она хороша против обычного Оценщика. Она работает, потому что вы прячете Тень за фоном. Сэвен фон видит насквозь. Он не оценщик, он... — Нара поискала слово, — он слушатель, по нашему. Он слышит то, что под фоном.

— Тогда что мне с ним делать.

Нара отпила чай. Поддержала чашку в ладонях, как держат птицу.

— Не прятать Тень за фоном, — сказала она. — Прижать её к себе.

— В смысле?

— В прямом. У вас Тень привыкла стоять отдельно от вас. У стены, в углу, в саду гулять. Это её обычное место — рядом, но не в вас. Когда Сэвен будет смотреть, он увидит её именно там, рядом. И поймёт, что она у вас своя, отдельная. А вам надо, чтобы она была не отдельная. Чтобы она была в вас. Слита с вами.

Крис подумала об этом.

— Это не «тишина». Это маскировка.

— Тут другое, — сказала Нара. — Тишина — это когда вы Тень держите. Слияние — когда вы её вбираете в себя. Она внутри вас. Снаружи — обычная слабая тень, как у всех. А вся настоящая — не видна, потому что она там, где никакой Сэвен не будет смотреть. Внутри вас.

— И сколько так можно?

— Час. Два. Не дольше. Это утомительно. Как нести воду в ладонях.

Крис обдумала.

— А Тень... согласится?

Нара впервые за разговор улыбнулась — еле заметно.

— Это правильный вопрос, — сказала она. — Большинство о таком не спрашивает. У большинства Тень и не спрашивают. У вас — придётся.

Весса смотрела в окно. Крис чувствовала её внимание боковым — Весса не вмешивалась, но слушала очень тщательно.

— Покажете? — сказала Крис.

— Покажу. Вставайте.

Они встали посреди комнаты.

— Закройте глаза, — сказала Нара. — Не пытайтесь сейчас ничего делать с Тенью. Просто почувствуйте, где она.

Крис закрыла глаза. Тень была сзади, чуть слева — у стены за спиной Нары. Привычное место.

— Вижу, — сказала Крис. — То есть чувствую. Сзади.

— Хорошо. Теперь — позовите её. Не словами. Внутри.

Крис позвала. Это было странное действие, для которого в её прежнем мире не было слова — что-то среднее между «обратить внимание на» и «протянуть руку, не двигая рукой». Тень за спиной шевельнулась.

— Она идёт, — сказала Нара. — Не открывайте глаза. Ждите.

Крис ждала.

Потом она почувствовала Тень рядом — в шаге за плечом. Потом ближе. Потом — у самой спины, как стоят сзади люди, которых ты ждёшь и кому доверяешь. Потом Тень сделала ещё один шаг, и Крис почувствовала очень странное ощущение: словно её спину накрыли тёплым плащом. Только плащ был не снаружи, а как бы прошёл внутрь. Не больно. Просто отчётливо.

— Получилось, — сказала Нара. — С первого раза. Это редко. Откройте глаза.

Крис открыла. Комната была та же. Стена за Нарой пустая — никакой Тени там не было. Своя Тень у Крис на полу была — но обычная, маленькая, такая же серая и плоская, как у Вессы у окна. Как у любого нормального человека.

Внутри, при этом, ощущение тёплого плаща не пропало.

— Сколько я смогу так продержаться? — спросила Крис.

— Час, может, полтора, для первого раза. Потом она начнёт проситься обратно. Это нормально.

— И Сэвен ничего не увидит?

— Сэвен увидит обычную Тень обычной женщины, — сказала Нара. — Если вы не дадите ей выпасть, и если вы сами не сорвётесь, и если вас не доведут до того, что вы потеряете контроль. Тогда — увидит всё сразу. Нельзя срывать, Мира.

— Я постараюсь.

— Старайтесь, — сказала Нара. — Потому что если вы потеряете контроль, то это будет стоить вам дорого.

Крис подержала Тень внутри ещё минуту. Потом, когда Нара кивнула, отпустила. Тень мягко выскользнула из спины и встала на своё место за плечом — у стены за Крис. Ощущение тёплого плаща ушло, и взамен пришла лёгкая усталость, как после получаса быстрой ходьбы.

— Тренируйтесь, — сказала Нара. — Каждый день, по несколько раз. Час перед аттестацией — продержите подольше, чтобы привыкнуть к усталости. И обязательно — попробуйте удержать слияние, если вас будут пугать. Это самое сложное.

— Меня будут пугать?

— Сэвен не пугает грубо. Но он умеет. У него такая работа. Если он что-то заподозрит — он не повысит голос, он скажет что-то тихое, от чего у вас внутри всё покачнётся. Тогда Тень захочет выпасть. И в этот момент вы её должны удержать, не дрогнув.

— Понятно.

— Нет, ещё не понятно. Но будет.

Перед уходом Крис задержалась у двери.

— Нара. Один вопрос.

— Слушаю.

— Издалека «отклик» приходит. Я уже несколько раз получала. Вчера — образ. Город, мост, фонарь.

Нара кивнула. Не удивилась. Будто знала.

— Я могу ответить?

— Можете. Слабо. Сильно — пока не сможете, ещё не научились. Слабо — это будет как помахать рукой через полкомнаты. Они увидят, что вы ответили, но слов не будет.

— Как именно?

— Сосредоточьтесь на том, кто звал. Не на образе, который прислали — на том, кто стоит за образом. Почувствуйте, где они. Не глазами, нутром. Потом потянитесь туда, как тянутся чтобы погладить. И всё. Не больше.

— И что будет?

— Они почувствуют, что вы услышали. И продолжат звать. Это начнётся.

— Что начнётся?

Нара посмотрела на неё.

— Разговор, — сказала она. — Не быстрый. Через всю страну. По крупицам. Но — разговор.

На обратном пути Крис попробовала.

Они с Вессой шли по той же сонной окраине, и в какой-то момент Крис нащупала в себе ту точку, откуда вчера пришёл образ. Сосредоточилась на ней. Не на мосте и фонаре — на том, кто стоял за мостом и фонарём. Почувствовала направление — далеко, на запад, через десятки вёрст. Потянулась.

Это длилось секунду или две. Не больше.

И на той стороне — Крис почувствовала это совершенно отчётливо — кто-то вздрогнул. Не от страха. От узнавания. От того, что годами слал и не ждал ответа, а ответ пришёл.

Потом расстояние закрылось, как закрывается крышка на коробке.

Крис шла дальше и дышала ровно. Весса посмотрела на неё.

— Получилось?

— Ещё как.

— Что они сделали?

— Вздрогнули, — сказала Крис. — От радости.

Весса немного помолчала.

— Это хорошо, — сказала она.

— Это страшновато, — сказала Крис. — Я кому-то, кажется, причинила радость на расстоянии в полстраны — и даже не знаю этого человека в лицо.

— Знаете, — сказала Весса спокойно. — В каком-то смысле уже знаете. Вы только что её услышали. Это уже знакомство.

Домой Дорр пришёл рано. Не в восемь, как накануне, а в шесть. Лицо у него было такое, как будто он шёл сюда из Надзора пешком, чтобы успеть остыть.

— Сэвен сегодня в архиве, — сказал он, снимая пиджак.

— И?

— И он там сидит со вчерашнего вечера. Со своим экземпляром «Заметок».

Крис не дрогнула лицом. У неё сегодня было много упражнений на не дрогнуть.

— Зачем ему архив?

— Сверяет, — сказал Дорр ровно. — Берёт страну за страной из книги и ищет в архивных описях похожие признаки. Не аррентские. Старых государств, давно распавшихся, тех, чьи документы лежат у нас. Ему важно понять, откуда автор взял материал. Он не верит, что эти страны выдуманы.

— И находит?

— Нет.

— Это его убеждает или, наоборот?

— Наоборот. Если бы нашёл совпадения — успокоился бы: автор начитанный, фантазирует на основе старого. Не нашёл — значит, автор писал не из архивов. А если не из архивов, то откуда? Этот вопрос его теперь и не отпускает.

— Где?

— Я не видел. Только заметил, что закладки.

Крис не ответила. В голове у неё сразу появилось три места, на которых, скорее всего, эти закладки стояли. Все три были про Аррен с минимальной заменой имён. Но она не собиралась это уточнять, и Дорр, по-видимому, не собирался спрашивать.

— Дорр.

— Да.

— Это плохо или хорошо?

— Это, — сказал Дорр медленно, — означает, что у нас осталось не десять дней. Восемь, может, семь.

Крис кивнула.

Они посмотрели друг на друга — недолго, ровно столько, сколько надо, чтобы оба поняли, что ситуация ясна и обсуждать её ещё раз не имеет смысла. Дорр пошёл наверх переодеваться. Крис пошла на кухню к Вессе.

— Семь дней, — сказала она.

— Тренируемся каждый вечер, — сказала Весса, не отрываясь от овощей. — После ужина и перед сном. И ещё раз ночью, если получится.

— Ночью я обычно сплю.

— Сегодня не будете.

Ночью Крис проснулась, потому что в комнате было пусто.

Не в смысле — не было людей. Людей всегда не было. В смысле — Тени не было. Привычное ощущение присутствия у стены пропало, и от этого Крис проснулась так же чётко, как от внезапного шума.

Она открыла глаза. Темнота, лунный свет через щель в шторах. Стена напротив пустая. Пол пустой. Тени нет.

Крис села на кровати.

— Эй, — сказала она тихо.

Никто не отозвался. Тень никогда не отзывалась — но если бы она была в комнате, Крис бы её почувствовала. Сейчас — никого.

Крис встала, накинула халат, открыла дверь. Коридор второго этажа был пуст. Она пошла по нему босиком, очень тихо, потому что Дорр спал в кабинете рядом, а Весса и Нэй внизу.

На лестнице она уже знала, куда идёт. Не знала откуда — просто знала. Спустилась.

Тень стояла в прихожей.

Не у стены. Не в углу. Прямо у входной двери. Лицом — то есть тем, чем у Тени бывает лицо — к двери. Как стоит человек, который собирается выйти, или человек, который кого-то ждёт.

Крис подошла и остановилась в нескольких шагах.

— Что ты тут делаешь?

Тень не повернулась.

Крис подошла ближе. Заглянула — в той мере, в которой можно заглянуть Тени в лицо, — и поняла. Тень смотрела сквозь дверь. На улицу.

Крис очень осторожно подошла к окну рядом с дверью. Выглянула.

На противоположной стороне улицы, у фонаря, стоял мужчина.

Не близко — на той стороне. Не делал ничего — стоял. В пальто, с непокрытой головой. Лица в темноте не было видно, только силуэт, и то, что он стоял ровно, без шевеления, как стоят люди по работе.

Крис смотрела секунд десять.

Потом мужчина оттолкнулся от фонаря, поправил воротник и неторопливо пошёл по улице. Не убегая. Просто пошёл. Как идёт человек, у которого закончилась смена.

Тень в прихожей наконец повернулась к Крис.

Угол её головы был такой, который Крис уже умела читать как «ты видела?».

— Видела, — сказала Крис.

Они постояли в прихожей ещё минуту, в темноте, среди ночного спящего дома, тень и её хозяйка, обе молча. Потом Крис сделала то, что Нара показала утром, — позвала. Тень шагнула к ней, ближе, ещё ближе, и втянулась в спину, как тёплый плащ.

— Идём наверх, — сказала Крис. — Завтра разберёмся, что это было.

Они поднялись. Никто в доме не услышал. Дорр спал в кабинете, Весса и Нэй внизу.

В спальне Крис легла, закрыла глаза, и почувствовала, что Тень внутри неё свернулась удобнее, чем вечером. Видимо, привыкала.

— Кстати, — сказала Крис в тёмную комнату, — спасибо, что разбудила. Очень полезный навык.

Внутри у Тени, насколько у Тени могло быть «внутри», появилось что-то похожее на тихое одобрение.

Семь дней, подумала Крис, засыпая. Считаем уже не от ужина с Сэвеном, а от того, чтобы кто-то перестал стоять у нашего фонаря по ночам.

Глава 9. Голос в комнате

Дом Дары стоял в третьем квартале от Тихого, в более благополучной части, чем наш квартал. Это была разница не в стенах, а в воздухе — в Тихом квартале воздух пах ровно ничем, в этом — слегка пах оранжереей и чьей-то дорогой кухней с предыдущего вечера. Крис вошла в прихожую и сразу почувствовала, что попала в чуть другую часть Аррена. Ту, где Конкордат тоже работал, но владельцы бы возмутились, если бы кто-нибудь это назвал словом «работал».

— Добро пожаловать, — сказала Дара, забирая у Крис лёгкое пальто. — Все уже здесь.

— Сколько в итоге?

— Двадцать восемь, — сказала Дара. — Двух пришлось вычеркнуть — у одной муж не отпустил, вторая сама отказалась в последний момент. Это нормально. Лейн сказал, лучше двадцать восемь надёжных, чем тридцать с одной нервной.

Лейн обычно говорил умные вещи, отметила Крис. Жалко только, что в этом мире за умные слова сажают чаще, чем в её прежнем. Естественный отбор работает не в ту сторону.

В гостиной были расставлены кресла и стулья дугой к небольшому подиуму у дальней стены — не сцена, просто чуть приподнятая площадка для музыкантов. Лейн уже сидел там, настраивал инструмент. Двое других музыкантов — те же, что на концерте, — устроились в глубине и сидели тихо. Дара представила Крис нескольким женщинам у входа, и Крис автоматически перешла в режим «Мира на званом вечере»: лёгкая улыбка, короткий кивок, взгляд в район воротничка собеседника. Безопасно, вежливо, безлико.

При этом она наблюдала.

Крис в этот вечер пришла не петь. То есть петь, конечно, тоже — но это было поводом, а не содержанием. Содержанием было — найти в комнате тех самых трёх женщин с живыми Тенями. Двух из них Крис помнила с первого концерта, третью — нет, та была сзади у стены и Крис её не разглядела. Сейчас все три должны быть в этой комнате, потому что Дара звала именно тех, кто на концерте «что-то почувствовал». Найти их по «отклику» в зале на сто человек было сложно. В комнате на тридцать — должно было получиться даже без слияния Тени, на котором Крис тренировалась всю неделю.

Она прошла взглядом по гостям.

Большинство сидели парами, разговаривали тихо, держали в руках чашки или бокалы с разбавленным вином. Все в тёмном или приглушённом — Конкордат не одобрял яркого на женщинах в публичных собраниях, хоть это и было полузакрытое собрание. У стены ближе к окну сидела дама лет сорока — крупная, спокойная, с лицом человека, который привык, что его слушают. Рядом с ней — молодая, лет двадцати трёх, нервная, с аккуратно уложенной причёской. Эту вторую Крис вспомнила с концерта. Третий ряд слева, непокрытые плечи. Сейчас плечи были покрыты — на закрытом вечере правила соблюдали даже среди своих.

В дальнем углу Крис нашла даму у прохода — ту, что плакала на финальной песне. Постарше, лет сорока пяти, в строгом тёмно-сером платье, с прямой спиной. Узнала Крис мгновенно — не лицо, фон. У этой женщины Тень фонила тёплым с прошлого раза, и Крис теперь знала этот тон, как знают чужой голос по телефону.

Третья. Третья должна была быть где-то здесь.

Крис прошла дальше. Вот молодые. Вот пара жён чиновников — обе с подавленными Тенями, бесполезный фон. Вот женщина у камина — тоже подавленная. Вот ещё одна, у книжного шкафа.

Стоп. У книжного шкафа.

Крис задержалась взглядом. Женщина лет тридцати, тёмные волосы, простое тёмное платье, никаких украшений. Она не разговаривала ни с кем, стояла, держала в одной руке книгу,

которую сняла с полки, в другой — чашку. Лицо спокойное, с тем особенным спокойствием, которое бывает у людей, которые годами учились не показывать ничего.

И «отклик» от неё был.

Не такой яркий, как от двух первых. Тише. Но точно был, и узнаваемой текстуры — у тех, кому Тени не давили специально, а просто игнорировали, такой бывает приглушённый, но живой фон. Третья.

Крис посмотрела на неё ещё одну секунду и пошла дальше — Дара уже вела её к Лейну.

Замечательно, подумала Крис. У нас на сегодня в одной комнате три проводницы средней силы и одна я. Это или начало большой и красивой работы, или начало неприятного отчёта в трёх экземплярах для Сэвена. Желательно первое.

Лейн, увидев её, кивнул. Не поднял голову — кивнул через плечо, не отрываясь от инструмента.

— Готова?

— Готова.

— Сегодня тише, чем на концерте, — сказал он. — Помни: они близко. Не дави. Они сами подойдут к тому, что у тебя в голосе.

— Поняла.

— И не пой как тогда. Тогда ты пела залу. Сегодня — пой комнате. Это другое.

— Поняла, Лейн.

— И ещё.

— Что?

— Если что-то начнётся — отступи на полтона. Как тогда. Не тяни на пределе.

— Я не дура.

— Я знаю, — сказал Лейн ровно. — Поэтому и говорю спокойно.

Дара негромко обратилась к гостям. Разговоры стихли. Двадцать восемь женщин повернули головы к подиуму. Крис поднялась на возвышение. Лейн взял первую ноту.

Она запела.

Песня была медленная.

В её прежнем мире её сочинил молодой, тогда ещё никому не известный американец — в дешёвой ванной комнате студенческого общежития, при свете одной лампочки, потому что только в ванной хорошо звучало эхо. Текст был про то, как люди молчат, когда нужно говорить. Про то, как разговоры превращаются в шёпот, шёпот — в молчание, молчание — в стену, и стена становится больше тех, кто за ней. И в начале — обращение. К темноте. «Здравствуй, темнота, мой старый друг». Не к женщине, не к Богу, не к публике — к темноте.

В Аррене она переделала только текст. Мелодию оставила как есть, потому что лучше всё равно никто бы не написал.

Здравствуй, темнота, мой старый друг, Я вновь пришла поговорить с тобой.

В первом куплете местный слушатель слышал балладу-медитацию о ночи. Тёплый внутренний голос, обращённый куда-то в сумерки. Очень арррентское по звучанию, очень тонкое.

Во втором куплете — про людей, которые говорят, не говоря. Слышат, не слушая. Пишут песни, которых никто не поёт.

В третьем — про то, как никто не смеет нарушить тишину неона. Только в Аррене не было неона, и Крис заменила «свет вывесок» на «свет коридорных ламп» — описав то, что было в каждом учреждении Конкордата. Это было опасное место в тексте. Слишком конкретное. Лейн при первой репетиции это увидел и не сказал ничего, потому что они оба понимали: тут или работает, или нет, и убирать нельзя.

Голос Миры на медленной вещи раскрывался иначе, чем на быстрой. Не громче — глубже. Это был голос, в котором сразу было слышно, что человек кое-что знает о темноте лично.

Крис пела.

Тени в комнате двигались — тихо, в такт, не выпадая из общей картины. Двадцать пять Теней повторяли своих хозяек: лёгкое покачивание, наклон головы, едва заметный сдвиг плеч.

Три не повторяли.

Дама лет сорока у окна — её Тень шевельнулась раньше, чем хозяйка успела подумать. Молодая рядом — её Тень повернулась к подиуму, как поворачивает голову заинтересованный человек. Женщина у книжного шкафа — её Тень очень медленно, очень осторожно, без хозяйкиного движения, поставила книгу на место.

Крис увидела это краем зрения и продолжила петь.

«В видениях моих беззвучных...» — пел голос Миры на местном языке. Точнее, на местном переводе того, что в её прежнем мире пелось как «within the sound of silence». Местное «в звуке тишины» прозвучало с двойным дном, которое Крис, выписывая текст, оценила: в Аррене «звук тишины» — это вполне конкретная штука, это именно то, что слышат охраняемые лица в комнатах с подавителями, и это название теперь летело по комнате, и три Тени слышали его без нужды переводить.

К концу второго куплета Крис почувствовала, что комната тёплая. Не температурой — чем-то другим. Как бывает, когда несколько человек одновременно начинают слушать друг друга, не говоря ни слова.

К концу третьего — четыре Тени делали одно и то же. Но не синхронно, как на концерте. Иначе. Каждая в своём ритме откликалась на песню — и при этом каждая чувствовала, что в комнате есть ещё три. Это был не унисон. Это был хор. Хор, в котором каждый голос слышит остальные, не подстраиваясь.

На последней строчке Крис намеренно опустила голос на полтона — раньше, чем нужно было драматически. Тени отступили. Песня закончилась раньше, чем все четыре успели соединиться окончательно.

Это было её решение. Лейн потом скажет, было ли оно правильным.

В комнате стало тихо. Не хлопали — на закрытом вечере не хлопают, это считается грубым. Сидели и смотрели.

Дама у окна — крупная, спокойная — медленно достала из рукава платок и провела им под глазами. Сделала это незаметно, профессионально, как делают женщины, которые уже отплакали в жизни всё, что собирались, но иногда что-то всё-таки прорывается.

Молодая женщина рядом смотрела на Крис, не отрываясь. Лицо у неё было с тем выражением, с каким подростки в её прежнем мире смотрели на впервые услышанную песню, которая их потом будет мучить ещё годы.

Женщина у книжного шкафа поставила чашку на полку.

Лейн начал вторую — лёгкую, отвлекающую. Это тоже было его решение, и оно было верным: после такой вещи людям нужно было перевести дух. Крис допела с ним лёгкую, ещё одну в том же духе, потом передала программу музыкантам — Лейн один играл что-то инструментальное, без голоса, минут пятнадцать. Это давало гостям время на разговоры.

Крис спустилась с подиума.

Дара перехватила её у бокового стола.

— Молодец, — сказала Дара тихо.

— Спасибо.

— Не оборачивайся, — добавила Дара. — Третья в ряду от окна. Идёт сюда.

Крис не обернулась.

Через несколько секунд рядом с ней встала молодая женщина — та, что в третьем ряду слева на концерте. Лет двадцати трёх. Лицо нервное, но решительное.

— Простите, — сказала она. — Я не должна, наверное, но я подумала, что если не сейчас, то...

— Лучше сейчас. Потом может не быть случая, — закончила Крис. — Я знаю это чувство. Слушаю.

Молодая моргнула. Видимо, не привыкла, чтобы её перебивали в таком ритме.

— Меня Меда зовут, — сказала она. — Я была на вашем концерте.

— Помню. Третий ряд слева, у прохода.

— Помните?

— Помню всё, что видела со сцены, — сказала Крис. — У меня память хорошая.

Меда сглотнула.

— Я хотела сказать... когда вы пели сегодня... со мной что-то происходит. С самого того концерта. Я не знаю, что, и я никому не могу сказать, потому что... ну, вы понимаете.

— Понимаю.

— И сегодня я испытала это снова. Только сильнее. Я подумала, может, вы знаете, что это. Крис посмотрела на неё.

В её прежнем мире такого вопроса не задавали. То есть задавали другие вопросы — «откуда у тебя это», «как ты это делаешь», — но не такие. «Со мной что-то происходит, я не знаю что» — это был вопрос человека, который растёт без отражения. У которого внутри просыпается что-то живое, и оно кажется ему болезнью, потому что никто не сказал, что это — не болезнь.

— Меда.

— Да?

— Это не болезнь. И с вами всё в порядке. Просто у вас включается то, что у большинства людей давно выключено. Это не плохо. Это страшно, потому что вы одна. Но это не плохо.

Меда смотрела на неё.

— И вы... — она запнулась. — Вы тоже?

— Да.

— И ещё кто-то?

— В этой комнате — ещё две, — сказала Крис очень тихо. — Я не скажу, кто. Но они есть.

Меда секунду стояла без движения.

— Я могу с вами потом поговорить? — спросила она. — Не здесь. Где-нибудь.

— Можете. Я скажу Даре, как, и Дара скажет вам.

— Спасибо, — сказала Меда. — Я... спасибо.

И отошла. Не торопясь, естественно — как отходят люди, у которых только что закончилась короткая, но очень нужная беседа.

Лейн со стороны подиума посмотрел на Крис. Крис почти незаметно кивнула. Лейн снова обернулся к инструменту.

Через минуту к Крис подошла Дара — снова с бокалом. Поставила бокал перед Крис, наклонилась к уху.

— Крупная у окна — Велта, жена Кента из казначейства. Это её третий приём за этот сезон. Раньше я её на свои вечеринки не приглашала. После концерта она сама напросилась через подругу.

— А почему сама?

— Потому что у неё муж пьёт и бьёт её, — сказала Дара ровно. — И последние полгода у неё происходит что-то, чего она не понимает. Она думала, что сходит с ума. Подруга сказала: не сходишь, сходи на закрытый вечер у Дары, послушай.

— Велта, — повторила Крис.

— Она хочет с вами поговорить, — сказала Дара. — Тоже отдельно. Завтра, если можно. У неё есть час, пока муж в отъезде.

— Я согласна.

— А третья?

— Та, что у книжного шкафа.

— Это интересный человек, — сказала Дара. — Её зовут Орил. Она из Карина, переехала сюда полгода назад. Никто толком не знает, кто её муж и есть ли он у неё. Документы в порядке, но она не вписывается ни в один круг. Она пришла сегодня по моему приглашению, но я её до этого видела всего один раз — в книжном ларьке, у Тэя. Она там часто бывает.

Крис посмотрела на Дару.

— У Тэя?

— У него.

— Дара. Это большая удача или большая проблема?

— Не знаю, — сказала Дара спокойно. — Возможно, и то и другое. Она хочет поговорить с вами. Не соглашайтесь сразу. Сначала спросите о ней у Тэя.

— Спрошу.

— Поговорите с ней сегодня вежливо, скажите общие слова, попрощайтесь. Без обещаний.

— Поняла.

Крис допила содержимое бокала и пошла поздороваться с Орил.

Орил подняла взгляд от книги, когда Крис подошла.

— Понравилось? — спросила Крис, кивая на томик.

— Очень, — сказала Орил. Голос у неё оказался ровный, низкий, с лёгким акцентом, который Крис не сразу определила. — Это «Заметки», в новом тираже. Я уже читала. Перечитываю.

— Хорошая книга?

— Очень хорошая, — сказала Орил. И посмотрела Крис прямо в лицо — не в воротничок, не в плечо, прямо. — Она написана человеком, который видел больше стран, чем перечислено в книге.

Крис сохранила лицо. Это был хороший рефлекс — Нара его на этой неделе оттачивала по очень похожему поводу.

— Возможно, — сказала Крис.

— Возможно... — повторила Орил. — Хороший ответ. Я тоже в Карине отвечала «возможно» лет пять подряд. Потом перестала.

— Почему перестали?

— Потому что устала.

Они посмотрели друг на друга.

— Я Орил, — сказала Орил. — И мне очень хотелось бы поговорить с вами. Но я понимаю, что не сегодня и не здесь. Дара передаст, если решите.

— Дара передаст, — сказала Крис. — Спасибо, Орил.

— Хорошая песня, — сказала Орил, вставая. — Особенно «свет коридорных ламп». Это смело.

И прошла мимо к окну, лёгкой походкой человека, который привык быть в комнате, не привлекая внимания, и который, в этой комнате, заметил всё, что нужно было заметить.

Замечательно, подумала Крис. У нас в этой комнате не три проводницы. У нас в этой комнате три проводницы, одна из которых в курсе, что я не отсюда. И, кажется, она этому рада.

На обратном пути в машине, которую Дорр прислал к одиннадцати, Крис некоторое время молчала. Лейн ехал с ней, потому что его дом был по дороге и потому что он не хотел отпускать её одну после такого вечера. Шофёр молчал — Дорр его знал давно, и шофёр знал, когда не задавать вопросов.

— Орил знает, — сказала она наконец.

Лейн не сразу ответил.

— Знает что?

— Что я не отсюда.

Лейн повернул голову.

— Откуда?

— Из «Заметок». Она прочитала и поняла, что это не «по архивам». Она сказала вслух. Очень спокойно.

Лейн обдумывал это секунды три.

— Это плохо?

— Не знаю, — сказала Крис честно. — Завтра поговорю с Тэем. Дара говорит, что Орил у него часто бывает. Если она своя — это хорошая удача. Если нет — у нас проблема, у которой ноги растут с того самого вечера.

Лейн помолчал.

— Мира.

— Да.

— Сегодня было сильно.

— Я знаю.

— Не сильнее, чем нужно. Но сильно. Особенно последняя.

— Я в курсе.

— И ты успела отступить вовремя.

— Я тренировалась, Лейн. У меня хороший учитель.

— У меня бы тоже был хороший, если бы я знал, у кого учиться. — Он чуть улыбнулся в темноте. — Спокойной ночи, Мира.

— Спокойной, Лейн.

Машина остановилась у ворот Тихого квартала. Крис вышла, шофёр кивнул и поехал дальше — Лейна довезти до его дома. Крис прошла через ворота. Окна дома были тёмные, кроме одного — Дорр сидел в кабинете, не спал. Это Крис видела с улицы по полоске света под занавеской.

В прихожей её встретила Весса — тоже не спавшая. Без вопросов забрала пальто. По лицу Крис, видимо, было видно, что пока не надо ничего рассказывать.

— Завтра расскажу, — сказала Крис.

— Хорошо. Чай?

— Нет, спасибо. Спать.

Она поднялась. У двери кабинета задержалась на секунду — свет проникал через щель внизу, но шагов или скрипа стула не было слышно. Дорр там что-то делал тихо. Крис не зашла. Завтра.

В спальне Тень у стены встретила её прямо. Угол головы был — Крис уже умела это читать — собранный.

— Знаю, — сказала Крис. — Сегодня был тяжелый день.

Тень не ответила. Но в комнате было теплее, чем обычно. Крис понимала, что это не температура, и понимала, что именно.

Она легла.

В голове у неё стояло три имени и одно описание женщины у книжного шкафа.

Меда. Велта. Орил.

Завтра — к Тэю.

Глава 10. Тёплый след

Утро было ясное, что для Харна в это время года не очень характерно. Через занавеску в комнате стояла тонкая полоса солнца, и Тень Крис в этом свете выглядела бледнее обычного — как человек, который не выспался. Это было справедливо. Тень с прошлой ночи, после стояния у входной двери и сцены с женщиной у фонаря, легла, но дышала неровно. Крис её понимала. Сама дышала так же.

Она лежала минут двадцать с закрытыми глазами и перебирала в голове вчерашний вечер у Дары.

Меда — понятно. Молодая, испуганная, с настоящей растерянностью. У такой ничего не скроешь, она и сама не научилась скрывать. Велта — тоже понятно. Усталая женщина, у которой годами что-то копилось внутри, и оно начало стучать в стенку. Это всё были живые реакции живых людей. Крис в них не сомневалась.

Орил — другое.

Орил вчера сказала Крис фразу, которую обычная читательница не скажет первой встречной женщине на закрытом вечере. Орил сказала это глядя в лицо. Орил выбрала слова. Это была не неосторожность — это был ход.

Крис открыла глаза и села.

— Ладненько, — сказала она вслух. — Разберёмся.

Тень у стены тихо одобрила. Видимо, тоже не любила незаконченных дел.

В лавке Тэй стоял за стойкой и распаковывал свежий ящик с книгами из Велдта. Поднял голову, кивнул.

— Доброе утро, Мира. Одна?

— Без Вессы. Дорр подписал на «прогулку с заходом к книготорговцу за справочником». Вы у меня сегодня справочник.

— И какой я справочник?

— По людям, — сказала Крис. — Если можно.

Тэй на секунду остановил руки на ящике. Не насторожился — отметил. И вернулся к работе.

— Заходи, — сказал он. — Чай свежий.

Они прошли в маленькую заднюю комнату — ту самую, где он показывал Крис «Заметки» в новом тираже несколько месяцев назад. Чайник на спиртовке, две чашки, окошко во двор. Крис села к окну.

— Тэй, — начала она. — Вчера у Дары я познакомилась с одной женщиной. Орил. Дара сказала, она у вас часто бывает.

— Орил, — повторил Тэй ровно. — Да. Заходит. Месяца три уже как.

— Что вы про неё знаете?

Тэй разлил чай. Подвинул чашку Крис. Сел напротив, обхватил свою чашку обеими ладонями.

— Знаю немного. Заходит примерно раз в полторы недели. Покупает по две-три книги за раз. Платит наличными, всегда сразу. Документы у неё в порядке — я проверял один раз через знакомого в Управе, так, на всякий случай, потому что она новая в городе. Вдова, муж умер в Карине года полтора назад, переехала сюда к дальней родственнице, у которой дом в третьем округе.

— Что читает?

— Читает много серьёзного, — сказал Тэй. — Сначала брала классику — Веллена, Тармы, старого Орса. Потом перешла на путешествия и историю. Потом — на философское. Сейчас перечитывает «Заметки» — взяла второй экземпляр, говорит, первый зачитала.

— Это много для одного человека за три месяца.

— Много. Но не подозрительно много. Я видал и больше — у Веры из четвёртого квартала подобный темп, и у старой Иммы. Это бывает у людей, у которых много свободного времени и которые любят читать.

— Тэй.

— Слушаю.

— Если бы кто-то пришёл и сказал вам: «составьте мне список книг, которые читала бы умная женщина, желающая разобраться в Аррене с нуля» — что бы вы ей дали?

Тэй задумался. Поставил чашку.

— Веллена для языка. Тармы для нравов. Старого Орса для истории — у него меньше пропаганды, чем у новых. Путешествия — Ботай и Делен, потому что они описывают окраины Аррена и соседние земли. Философию — там по вкусу, но скорее всего «Размышления» Мейрена, потому что они короткие и в них всё главное.

— А «Заметки» — попали бы в этот список?

Тэй посмотрел на неё.

— «Заметки» — да, — сказал он медленно. — В самом конце. Как... проверка. Если человек дочитает до них и поймёт, о чём они на самом деле — значит, он действительно разобрался.

Крис подержала чай в ладонях.

— Тэй. Вы только что описали маршрут Орил.

Тэй сидел неподвижно секунд пять.

— Точно?

— Веллен, Тармы, Орс. Ботай и Делен. Сейчас — «Заметки». Вы её обучали, Тэй. Только она вас об этом не просила, и вы не знали.

Тэй очень медленно поставил чашку на стол.

— Нет, — сказал он. — Это совпадение.

— Возможно, — сказала Крис ровно. — Я ничего пока не утверждаю. Я просто слушаю и складываю. Скажите мне ещё одну вещь. Карин. Вы там были?

— Был. Дважды. По делам лавки.

— Когда?

— Два года назад и шесть лет назад.

— Орил говорила вам, в каком районе Карина жила?

Тэй прикрыл глаза. Это было его обычное движение, когда он вспоминал.

— Сказала — у Северного канала. Дом в три этажа, тёмно-серый, недалеко от книжной площади. Сказала, что по утрам было слышно колокол с башни.

— И?

— И, — Тэй открыл глаза. — Северного канала в Карине нет. Есть Северный пруд и Восточный канал. Северного канала — нет. Я по Карину ходил пешком, я это знаю. Книжная площадь там не у воды, она в центре. И башня с колоколом — есть, но она в южной части. От Северного пруда её бы слышно не было — между ними район мастерских, там по утрам шумно.

Крис слушала очень внимательно.

— Тэй, она могла перепутать.

— Могла, — сказал Тэй. — Люди путают. У меня была покупательница, которая клялась, что в Велдте живёт у моря, хотя Велдт в трёхстах вёрстах от моря. Это бывает. Но она путалась так, как путают люди. Поправлялась, смущалась, говорила «ой, я что-то напутала». А Орил

мне сказала это один раз, ровно, и больше к Карину не возвращалась. Как будто отметила и закрыла тему.

— Это было давно?

— Полтора месяца назад. Я тогда рассказал ей про свою поездку, спросил, откуда она. Она ответила. Я не стал поправлять, потому что — ну зачем. Решил, что сама вспомнит и переспросит. Она не переспросила.

Они сидели с Тэем и смотрели друг на друга.

— Тэй, — сказала Крис после паузы. — Я не утверждаю, что Орил кто-то конкретный. Я говорю, что у меня вчера от неё было неприятное чувство, и сегодня вы мне рассказали две вещи, которые это чувство не уменьшают.

Тэй потёр переносицу.

— Мира. Если она... если это так, как ты думаешь, — то через меня. Я её сюда впустил. Я ей продавал книги. Я ей говорил, кого ещё стоит почитать.

— Тэй.

— Что.

— Не сейчас, — сказала Крис. — Не казните себя сейчас. Если она агент — это не значит, что вы её упустили. Это значит, что её прислали, и она хорошая. Хорошие агенты не выглядят агентами, в этом их ремесло. Вы не разведчик. Вы книготорговец, и очень хороший. Вы её не должны были разглядеть.

Тэй слабо улыбнулся.

— Спасибо, что не говоришь «вы не виноваты».

— Не виноватых тут нет, — сказала Крис. — Виновата та, кто её прислала. И эта та кого я пока не знаю. Но узнаю.

— Что мне делать?

— Ничего не делать. Это самое главное. Орил не должна почувствовать, что мы её распознали. Она так же ходит к вам, вы так же продаёте ей книги, вы так же её обслуживаете и говорите общие любезности. Ничего не меняем. Иначе она всё поймёт за одну встречу. И тогда у неё будет преимущество — она будет знать, что мы знаем, а мы не будем знать, что она знает, что мы знаем.

— Сложно.

— Просто. Игра на тишине. Кто моргнёт первым — проиграл. Мы не моргнём.

Тэй кивнул.

— Ещё одно, Мира.

— Слушаю.

— Ей хочется встретиться с тобой. Она вчера спросила. Через Дару передаст.

— Дара мне это сказала вчера. Я скажу — да. Встречусь. И поговорю с ней так, чтобы она ушла довольная отчётом. Это и будет наша игра.

— Дезинформация?

— Дозированная информация, — поправила Крис. — Орил не дура, грубой ложью её не накормишь. Я ей дам ровно то, что было бы естественно для меня знать и говорить. И ничего сверх. Пусть пишет туда, наверх, отчёт, в котором всё правда. Но не вся.

Тэй посмотрел на неё с тем особенным взглядом, которым он смотрел иногда — взглядом человека, который только что заметил что-то новое в собеседнике.

— Где ты этому научилась?

— В предыдущей школе, — сказала Крис ровно. — Не спрашивайте.

Обратно она шла пешком. День оставался ясный, Тихий квартал был в получасе ходьбы. Крис шла и думала.

Её не пугало, что Орил агент. Это было даже логично — система такого размера должна была кого-то прислать. Удивительно, что не раньше. То, что Орил в Харне три месяца, означало, что её прислали ещё до публикации второго тиража «Заметок». То есть кто-то наверху отметил Крис уже тогда, когда «Заметок» в Аррене было всего ничего. Это было неприятно. И это было полезно знать.

Полезное в этой ситуации было одно, но крупное: Орил пишет отчёты. И отчёты идут наверх. То есть у Крис теперь есть *канал связи с самым верхом*. Грубо говоря, через Орил можно адресовать определённые сигналы той фигуре, чьё имя ещё не известно. Не сейчас — не на первой встрече. Но в перспективе — это инструмент.

Она зашла в дом через сад, как обычно. Весса в кухне посмотрела на её лицо.

— Вы что-то поняли.

— Поняла. Расскажу вечером, при Дорре. Пока — ничего не делаем, ведём себя как всегда. Если придёт записка от Дары с приглашением встретиться с одной женщиной по имени Орил — соглашайтесь от моего имени. На день, который нам удобен.

Весса кивнула. Не спросила больше ничего. Это была одна из её сильных черт — способность отложить любопытство до момента, когда на него будет время.

Дорр пришёл рано. Не в восемь, не в шесть — в четыре. Это уже было совсем не похоже на его обычный график, и Крис, увидев его в кабинете, сразу поняла, что у него что-то срочное.

— Десять дней, — сказал Дорр. — Я подал запрос на перенос аттестации. По формальной причине — медицинскому обследованию по поводу старой травмы. Травма у Миры действительно есть в её карте — после падения с лошади в шестнадцать лет, помните?

— Помню.

— Сэвен возражал. Но формально не имел права отказать — медицинское заключение от лекаря Управы, а лекарь — мой человек. Перенос на десять дней.

— И зачем?

— Вы будете готовиться, — сказал Дорр ровно. — Я выкупаю вам время. Десять дней — это немного. Но это вдвое больше, чем у нас было.

Крис обдумала.

— Дорр.

— Слушаю.

— Спасибо.

Он чуть наклонил голову.

— Сэвен этого мне не простит, — сказал он. — Это не страшно и я к этому готов. Но я хочу, чтобы вы понимали — после аттестации, какой бы она ни была, мы с ним дальше не будем работать в спокойном режиме. Он напишет в центр. Возможно, что-то очень плохое для меня. Возможно, для вас.

— Я понимаю.

Они посмотрели друг на друга.

— Дорр. У меня тоже новость. Сегодня я ходила к Тэю — узнала кое-что. У нас в городе появился человек, который, по-видимому, специально следит за мной и пишет наверх. Не от Сэвена — параллельно. Полтора месяца назад приехала из Карина, фамилия и дом проверены через Управу, документы в порядке. Только биография не сходится в мелочах с теми, кто Карин знает. И книги, которые она читала у Тэя за три месяца, — это идеальный обучающий маршрут «как понять Аррен с нуля». Имя — Орил.

Дорр слушал, не перебивая. Лицо его в этот момент стало другим — собранным, в режиме оперативного офицера, который слышит донесение.

— Когда познакомились?

— Вчера у Дары.

— Она к вам подошла сама?

— Сама. Сказала фразу, которую обычная читательница первой встречной не говорит.

— Какую.

— Что «Заметки» написаны человеком, видевшим больше стран, чем перечислено внутри.

Дорр медленно выдохнул.

— Тогда — да. Это не Сэвен. Сэвен бы так грубо не работал.

— Вот именно. Сэвен — официальная линия. Эта — частная. Я думаю, она пишет напрямую в столицу, не через Надзор Харна. Возможно, в обход даже центрального ведомства Сэвена.

— То есть третья линия.

— Третья линия.

Дорр прошёлся по кабинету. Остановился у окна.

— Десять дней, — сказал он наконец. — Этого может не хватить. Если она параллельная — её доклады могут привести сюда инспектора раньше Сэвена.

— Возможно. Но мы пока не знаем, на кого она работает. Мы знаем только, что не на Сэвена. Это уже что-то.

Дорр повернулся.

— Мира. Вы понимаете, что это означает.

— Что меня уже отметили на самом верху?

— Да. И что вы уже направили туда свой взгляд.

— Я знаю, — сказала Крис тихо.

Они помолчали — недолго.

— Что вы будете делать с этой Орил?

— Встречусь. Дам ей отчёт, который ей понравится. И подержу её рядом ровно столько, сколько это полезно нам. А там посмотрим.

Дорр кивнул.

— У вас есть выдержка, которой я завидую.

— У меня есть привычка, — поправила Крис. — Выдержка и привычка — вещи совершенно разной природы.

Он улыбнулся — еле заметно. И вышел из кабинета, потому что в дверь постучала Нэй с ужином.

Ночью Крис проснулась раньше, чем обычно бывало. Тень в комнате уже не была у стены — она стояла у окна. Не ушла к двери, как в прошлый раз. Она стояла здесь, в спальне, у окна, как будто слушала.

Крис села. Тень не повернулась.

Она потянулась внутри — туда, на запад, через десятки вёрст, к той точке, откуда уже несколько раз приходил образ. Сосредоточилась.

И почувствовала *слово*.

Не картинку. Не образ моста и фонаря. Слово.

Оно было односложное и приходило не как звук, а как удар в грудную клетку, точное, узнаваемое. Что-то вроде «здесь». Не «я здесь» — а просто «здесь». Утверждение, не призыв. Та женщина, на той стороне, говорила: я тут, я не пропала, я дышу.

Крис ответила. Так, как Нара показала. Потянулась внутренне, без слов. И на той стороне — вздрогнули. И дальше пришло ещё одно слово, теперь яснее.

«Долго».

Крис закрыла глаза.

«Долго» было — обвинение. Не злое. Усталое. «Долго ты», говорила та, на западе. «Я ждала».

Крис попробовала ответить тем же — словом. Получилось хуже, чем у той. Но что-то ушло. То ли «иду», то ли «слышу» — Крис сама не была уверена, какое из двух Тень помогла отправить.

На той стороне — вздох. Это Крис уловила точно, и это было первое настоящее эмоциональное ощущение оттуда. Облегчение.

Расстояние закрылось.

Крис посидела на кровати, держа ладонь на груди — туда, куда пришло «здесь». Тень вернулась к стене и встала на привычное место. Угол её головы был теперь спокойный.

— Узнала? — спросила Крис тихо.

Тень не ответила.

— Я тоже узнала, — сказала Крис.

Она легла.

Десять дней до аттестации. Орил в городе. Сэвен пишет в центр. И где-то на западе, в Велдте или дальше, женщина, которая годами слала образы и сегодня впервые сказала слово. У неё, у этой женщины на западе, было много слов в запасе. Крис чувствовала это так же отчётливо, как чувствовала тёплый плащ Тени за спиной — был запас.

— Будет разговор, — сказала Крис в тёмную комнату. — Долгий.

И заснула.

Глава 11. Две женщины в один день

Записка от Дары пришла рано — Нэй принесла её ещё до завтрака. Бумага была плотная, чужой рукой не подделывалась. Внутри было написано всего две строчки.

«У меня сегодня после обеда планируется небольшой чай. Если сможете подойти к четырём, будет удобно. Меда хотела бы встретиться раньше — до обеда, в любом удобном вам месте. Орил будет к четырём.»

Крис прочитала записку дважды, сложила, убрала в карман платья.

Удобно, отметила она про себя, что Дара выстроила это так, словно сама не понимает, что делает разводку двух людей в один день в разные часы. Дара всё прекрасно понимала. Дара была одна из лучших организаторок, которых Крис знала в обоих своих жизнях.

— Весса, — позвала Крис.

Весса появилась у двери, держа полотенце.

— Меда придёт к нам. Я не хочу её посылать неизвестно куда, у девочки и так нервы. Подайте чай в малую гостиную, без церемоний. И пусть никто из прислуги в комнату не заходит, кроме вас. Нэй пусть будет на кухне, я ей доверяю, но Меда увидит лишнего человека и закроется.

— Когда?

— В одиннадцать. Запишу ей сейчас.

Весса кивнула и ушла.

Крис подошла к окну. Сад утренний был спокойный, дворник прошёл по дорожке с граблями. Это был тот сад, который вчера вечером слушал, как она напевала вполголоса перед сном — ни одной чужой песни, просто собственное дыхание в форме мелодии. Тень тогда стояла рядом и одо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.